

Сергей Николаевич Южаков

**Органический прогресс в
его отношениях к
историческому прогрессу**

Сергей Южаков

**Органический прогресс
в его отношениях к
историческому прогрессу**

«Public Domain»

1890

Южаков С. Н.

Органический прогресс в его отношениях к историческому прогрессу / С. Н. Южаков — «Public Domain», 1890

«...Первый вопрос, который необходимо представляется социологу, есть вопрос определения предмета науки. Что такое общество? Каковы его строение и отправления? Что имеют это строение и эти отправления общего со строениями и процессами, проявляемыми другими формами сознаваемого нами мира, или, говоря общепринятым языком, другими предметами, существующими в природе? Наконец, в чем заключается его специфическое отличие, характеризующее его как особый род явлений и заставляющее нас делать его предметом особой науки? Точные, положительные ответы возможны только в конце исследования как результат согласования общих принципов с многоразличными наблюдениями и эмпирическими обобщениями...»

Содержание

Предисловие	5
Глава I	6
Глава II	9
Глава III	15
Глава IV	22
Глава V	24
Глава VI	29
Глава VII	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

С. Н. Южаков
Социологические этюды. Том 1
Органический прогресс в его
отношениях к историческому прогрессу

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей книга эта составляет исправленное и дополненное издание "Социологических этюдов", появившихся в журнале "Знание" в 1872 – 73 гг. Тогда они составляли четыре отдельных essays, из которых один и ныне мною выделен и отнесен в *Приложение* (как менее связанный с другими по содержанию), а остальные три (Знание. 1872. № 12; 1873 г. №№ 1, 3 и 5) объединены в одно цельное сочинение (сообразно первоначальному плану работы) и дополнены двумя новыми главами с целью многостороннее обозреть предмет книги. Говорить о содержании своей книги, о цели и задачах работы я не стану. Она лежит перед читателем и пусть сама за себя говорит. С целью облегчить читателя, приложен алфавитный указатель (index содержания и собственных имен). В конце книги указаны важнейшие замеченные опечатки, которые полезно предварительно исправить (особенно на стр. 173).

С.Ю.

С.-Петербург, 29 ноября 1890 г.

Глава I

Задачи социологии

Si d'une cote, toute theorie positive doit necessairement etre fondee sur des observations, il est egalement sensible, d'un autre cote, que pour se livrer a l'observation, notre esprit a besoin d'une theorie quelconque. Si'en contemplant les phenomenes, nous ne les rattachions point immediatement a quelques principes, non-seulement il nous serait impossible de combiner ces observations isolees, et par consequant d'en tirer aucun fruit, mais nous serions meme entierement incapables de les retenir; et le plus souvent les faits resteraient inaperçus sous nos yeux.

Auguste Comte (C. de Phil. Positive).

Первый вопрос, который необходимо представляется социологу, есть вопрос определения предмета науки. Что такое общество? Каковы его строение и отправления? Что имеют это строение и эти отправления общего со строениями и процессами, проявляемыми другими формами сознаваемого нами мира, или, говоря общепринятым языком, другими предметами, существующими в природе? Наконец, в чем заключается его специфическое отличие, характеризующее его как особый род явлений и заставляющее нас делать его предметом особой науки? Точные, положительные ответы возможны только в конце исследования как результат согласования общих принципов с многоразличными наблюдениями и эмпирическими обобщениями; но для возможности наблюдений и обобщений, для самой элементарной группировки фактов необходимы общие принципы, необходима теория, которая вначале неизбежно должна явиться в виде предварительной гипотезы. Дело дальнейшего исследования подтвердить и доказать гипотезу, возвести ее на степень научной теории или отвергнуть, усмотрев противоречие с фактами, и предложить новую. Задача предварительной гипотезы вовсе не в том, чтобы дать объяснение всему разнообразию явлений, к которым она относится, а лишь в том, чтобы, связав наивозможно большее число явлений, служить руководителем при дальнейшей их группировке; отрицательное условие гипотезы – не находиться в явном противоречии ни с одним научно достоверным фактом или частным обобщением.

Только с весьма недавнего времени общественная философия стала задавать себе ряд вышеформулированных вопросов о месте общества в ряду других явлений мира, об определении его сходства и отличия относительно других изучаемых нами форм. Прежде обыкновенно составлялось определение общества, будто ничего, кроме него, не существует в мире и оно витает в какой-то абстрактной пустоте или, по крайней мере, будто общество в своем генезисе, в последующем развитии и самом существовании вполне независимо, ни с чем не связано. Конечно, это не утверждалось прямо мыслителями, трудившимися над обработкою социальных наук, часто даже наоборот, *a priori*, зависимость и соподчиненность признавались, но при изложении предмета вовсе не брались в расчет, совершенно игнорировались. Иногда в том или другом частном случае грозное и фатальное проявление этой соподчиненности заставляло обращаться к ней социологов, но изыскания ограничивались этими частными случаями. Так было обращено внимание на значение размножения, деятеля биологического, и ограниченность средств жизни, условия физического; так было указано значение ограниченности некоторых полезных сил природы для возникновения и развития собственности. Было исследовано влияние климата, почвы; было даже обращено внимание на некоторые менее могучие и неотвратимые проявления подчиненности явлений общественных законам других порядков, напр., на последствия кровосмешения и мн. др. Вообще можно сказать, что настоятельность объяснения тех или других общественных явлений часто заставляла социологов обращаться к иссле-

дованию тех или других зависимостей явлений общественных от явлений других порядков, но при этом странным образом игнорировался вопрос о зависимости всей совокупности общественных явлений от законов, управляющих явлениями несоциальными, об отношении общества к другим формам бытия. В частности, многие наиболее важные соотношения были прослежены, но общее их истолкование не занимало социологов; в частности, влияние того или другого условия, физического или органического деятеля на общественное развитие было указано и определено, но общая связь мира явлений социальных с миром явлений органических и физических оставалась почти даже не затронутой, по крайней мере, общепризнанною наукою. Появлялись иногда теории, стремившиеся восполнить этот недостаток, но они оставались без влияния на общий ход науки и совершенно пренебрегались учеными. Таковы отчасти были обобщения Сен-Симона; важны они для истории науки особенно потому, что были непосредственными предшественниками Конта, но безотносительно гораздо более замечательны были попытки Фурье. К сожалению, до сих пор слишком много обращали внимания на его выводы из своей теории, игнорируя самую теорию, и все по причине его предсказаний на ее основании лимонадных морей, *couronne boreale* и пр.; не хотели заметить, что предположение новых специальных творений в будущем было ничем не ниже по своей научности и даже последовательнее, чем предположение их лишь в прошедшем, как у Кювье, что мечты о *couronne boreale* были логическим выводом из господствовавшей тогда теории целесообразности явлений природы; и, читая Фурье, вы не можете не признать, что раз эта теория признана, появление *couronne boreale* вне сомнений. Все странности и нелепости философского мирозерцания Фурье были странностями и нелепостями естественных наук его времени, но за этим не хотели заметить неоспоримых заслуг Фурье. Он, между прочим, первый сделал попытку подвести все явления мира под одну точку зрения формулированием закона, общего всем явлениям и раскрытием специального развития этого закона в различного рода явлениях. Некоторая неудача объясняется печальным состоянием физических и особенно биологических наук, но затем все же для социолога остается много поучительного в трудах Фурье. Кроме него, были и другие, не столь грандиозные попытки, но все они игнорировались наукою и на развитие знания имели мало влияния. Поэтому-то все же с Конта должны мы начинать новое направление обществознания.

Включив социологию в свою схему позитивных наук, поместив ее в отделе органической жизни и признав, что явления каждого более частного отдела подчиняются законам более общих отделов, Ог. Конт показал, во-первых, что все истинное относительно явлений, как неорганических, так и органических, истинно и относительно явлений социальных; во-вторых, что общие законы жизни, сопровождающие жизнь повсюду, где она проявляется, верны и в приложении к жизни общественной и, в-третьих, что законы физические и органические подтверждаются при своем проявлении в обществе влиянию нового ряда условий и деятелей и потому эффекты их имеют особый специфический характер. За провозглашение и установление этих истин социология всегда останется благодарна своему великому основателю и, как бы ни изменились потом воззрения на другие социологические выводы Конта, это научное включение общества в великий мир природы, из которого до Конта оно было изъято, это установление общих принципов, по которым должны быть определяемы сходства и различия общественного процесса с другими процессами природы, навсегда останется славою Конта, заслугою, дающею ему право на имя творца научной социологии. Степень развития, на которой стояла биология во времена Конта, не позволила ему самому сделать достаточно широких приложений своих принципов; иначе, вероятно, мы не были бы свидетелями многих печальных для науки заблуждений, которые нередко встречаем у мыслителей, продолжавших его дело.

Полное игнорирование наукою до Конта соотношения между обществом и другими явлениями, полное изолирование общества как предмета изучения вызвало, натурально, реакцию увлечение в противоположную сторону, началось отождествление общественного процесса с другими процессами природы, именно с процессами жизни. Иногда отождествляют его с той

формой жизненного процесса, в которой он проявляется в индивидуальном развитии, иногда же с формой развития коллективного. В первом случае является уподобление общества организму и объяснение законами физиологии общественных явлений; во втором случае не различается исторический прогресс от органического, и условия, эффекты, процессы последнего признаются без всякой критики верными и необходимыми и относительно первого. Оба рода заблуждений имеют общий источник ошибки в забвении истины, указанной Контом, что законы более общих отделов в своем проявлении обусловлены в обществе новым рядом влияний, а потому, натурально, процесс должен претерпевать преобразование и отличаться от жизненного процесса как по характеру, так и по эффектам. Кажется, ничто не указывает с такою очевидностью громадной логической силы гения Конта, как установление этой истины, ограничивающей им же провозглашенную более общую истину; такое сведение к сравнительно небольшим пределам компетентности закона, впервые открытого самим мыслителем и притом в то время, как все предыдущее развитие науки фактически отрицало этот закон, такое ограничение значения плода собственного творческого гения является самым могучим свидетельством необыкновенной логической последовательности и редкой ясности мышления. Если после Конта такие умы, как Дарвин, Спенсер, были увлечены общею реакцией против прежнего изолирования общественного процесса и более или менее впали в противоположную ошибку, то как высоко должны мы ценить мыслителя, который положил начало устранению изолирования, но вместе с тем отдал ясный отчет в причинах этого явления и указал значение обоих противоположных, по-видимому, но в сущности лишь взаимно дополняющих принципов, – принципа компетентности биологических законов в пределах общественной жизни и принципа своеобразности общественного процесса. Будем же помнить оба эти принципа, решая вопрос: каковы общие и отличительные признаки строения и отправления общественного целого? Каков специфический характер общественного процесса?

Глава II

Строение общества и его отправления

Основной, общий всему сущему признак – агрегатное строение. Каждое тело есть агрегат молекул; органические тела представляют агрегации клеточек, а клеточки суть агрегаты еще более мелких единиц (физиологических единиц, по Спенсеру, зачатков, по Дарвину, сложных молекул у других биологов), так что организмы являются агрегатами агрегатов; сами они служат единицами для новых агрегаций или в виде сложных организмов, или в виде колоний и обществ, или в виде племени, расы. Принцип агрегатного строения проходит через все формы, нами создаваемые, и общество является только одним из звеньев в длинной цепи агрегаций, где все агрегации служат единицами для более и более сложных агрегаций. Простых, гипотетически неделимых атомов мы не можем познать; мы только предполагаем их существование для объяснения некоторых особенностей молекулярного развития, но уже молекулы мы представляем как агрегаты.

Таким образом, эти единицы столь дробные, что мы и познать их не в состоянии, мы принуждены представлять себе не иначе, как агрегатами; различные комбинации атомов в этих агрегатах определяют химические отличия тел, а сила взаимной связи молекул – физическое состояние. Молекулы, агрегируясь, или, употребляя выражение, принятое для этого процесса Спенсером, – интегрируясь, образуют тела, нами познаваемые, но это интегрирование бывает двоякое. Иногда оно непосредственно, тогда различия тел обуславливаются только различиями по силе и способу интеграции атомов – в молекулы и молекул – в тела; иногда же интегрирование происходит, так сказать, в два приема, чрез посредство особых молекулярных агрегаций (физиологических единиц, зачатков и т. д., смотря по теории), и тогда отличия обуславливаются еще особыми свойствами этих посредствующих агрегаций. Второго рода тела, агрегированные не прямо из молекул, суть тела органические; но появлением этих простых организмов не останавливается процесс агрегирования. Простейшие одноклеточные организмы агрегируются в более сложные, эти в свою очередь, и так далее; при невозможности полной интеграции в более сложный организм происходит интеграция неполная – в общество; при невозможности и этой сравнительно слабой интеграции отдельные организмы все же представляют единицы неопределенного агрегата – вида, племени, расы. Продолжая далее, мы видим, что органические и неорганические тела агрегированы в небесные тела, эти последние – в системы; далее наше исследование не идет, но логика заставляет нас представлять вселенную как стройную агрегацию систем. Таким образом, оба конца цепи агрегаций вне нашего сознания, но все, что заключается в его пределах и даже все, что им необходимо предполагается – молекулы и вселенная, все представляется нам агрегациями. В этом отношении *общество* вполне удовлетворяет требованиям теории: *оно есть тоже агрегат*.

Из признания этой общей истины следует, что, будучи, подобно всем другим формам, находимым нами в природе, агрегатом, общество должно обладать всеми теми признаками и свойствами, которые неразрывно связаны с агрегатностью строения; существование силы, связующей отдельные единицы агрегации в одно целое, является необходимым условием всякого агрегатного строения. В природе эта сила осуществляется в форме той или другой комбинации элементарных сил природы, обобщенных в последнее время законом преобразования сил. Если, таким образом, та или другая комбинация элементарных сил обуславливает ту или другую форму, способ и степень агрегации, обуславливает чрез это все различия, изменения и преобразования, замечаемые нами в природе, то для определения общества должно было бы свести все деятели, создающие общественный процесс, к элементарным силам природы (т. е. различным проявлениям физической энергии) и указать, в чем заключается особенность той

комбинации этих сил, которую мы называем обществом. Но такое определение почти невозможно в настоящее время уже потому, что простые явления жизни органической наука не успела еще окончательно свести к элементарным силам, не говоря уже о процессах психических. Социология поневоле должна ограничиться сведением социального процесса к деятелям настолько простым, что проще их общественная жизнь не представляет, но и в этих пределах она не вправе игнорировать общие законы, определяющие силу взаимной связи единиц всякого агрегата. Общие законы интегрирования или дисинтегрирования, проявляющиеся во всех агрегатах, должны быть истинны и относительно общественного агрегата, потому что они, как показал Спенсер, зависят просто от расходования или накопления энергии, а не от или иной ее комбинации. Поэтому, хотя мы и не знаем той особой формы комбинации, в которую слагаются элементарные силы, образуя общество, но мы все же знаем, что именно они его образуют, что сложные деятели, которые мы знаем и которые должны быть их сочетанием, расходуют и накапливают свою силу, сообразно чему должны расходоваться и накапливаться и элементарные силы, и что, следовательно, эти процессы должны иметь те же последствия, т. е. интеграцию, либо дисинтеграцию. Задача социологии определить, в чем выражается эта интеграция или дисинтеграция общества?¹ Итак, общество есть агрегат, оно приводится и сохраняется в состоянии агрегатности особой комбинацией элементарных сил природы; оно накапливает и тратит энергию и сообразно этому дисинтегрируется или интегрируется – вот те общие законы, которых компетентность мы должны распространить и на общество, потому что эти законы суть законы общемировые, космические. Это – черты сходства со всеми другими предметами, нами создаваемыми; черты отличия начинаются уже признанием общественных явлений явлениями жизни.

Эти первые черты отличия являются вместе с тем чертами сходства общества со всеми агрегатами живыми, органическими. Тот особый вид агрегации, который мы отличаем под именем органических тел, как мы видели, ведет счет своим особенностям уже с молекулярного строения. Прежде чем интегрироваться в тело молекулы вступают в посредствующие агрегации – физиологические единицы, по Спенсеру, зачатки, по Дарвину; эти частицы заключают в себе такую комбинацию сил, что, вступая в соприкосновение с известным неорганическим материалом, формуют его в агрегации по собственному типу. Эту особую комбинацию сил, производящую такие свойства в частицах, Спенсер называет органической полярностью, потому что предполагает, кроме того, за своими физиологическими единицами, смотря по строению их, стремление располагаться относительно друг друга в известной форме и порядке, сближая, таким образом, органическую полярность с полярностью кристаллов. Дарвин не идет так далеко в своей гипотезе пангенезиса, но ему, задавшемуся объяснить только одну сторону жизненных явлений, и не было надобности вводить в свою теорию предположения, необходимые для объяснения жизни в ее целом. Как бы то ни было, впрочем, несомненно, что, благодаря особой, еще наукою не разложенной комбинации элементарных сил, живое тело обладает способностью перерабатывать посторонний материал в живую материю, то производя новые живые агрегаты, то увеличивая рост уже существующих, то замещая им трату частей. Эта постоянная трата частей составляет вторую отличительную черту живого агрегата; пока агрегат жив, он постоянно тратит материю, возвращая ее неорганической природе, и постоянно восстанавливает потерю, перерабатывая неорганическую материю по своему образу и типу. Это постоянное возобновление состава живого тела является причиной другого, не менее общего свойства, изменчивости, способности приспособления. Тратя постоянно интегрированное вещество и скомбинированную в теле энергию (в виде теплоты, движения и т. д.) и заменяя их веществом и энергией, поглощаемыми извне, живое тело находится в полной зависимости от существова-

¹ В позднейших работах своих я попытался дать это истолкование. См. мой этюд "Нравственное начало в общественной борьбе" (Сев. вест. 1888 г. №№ 9 и 11). (Прим. 2-го изд.)

ния вокруг него, в его среде, потребного вещества и силы и, естественно, изменяется сообразно изменениям среды. Это свойство послужило Спенсеру для определения жизни как постоянного приспособления внутренних отношений к отношениям внешним; если помнить, что это свойство тесно связано с процессом непрерывного обмена вещества и силы, то, по-видимому, определение Спенсера будет самым удовлетворительным из до сих пор предложенных².

Основной процесс жизни – постоянное уподобление, ассимиляция вещества и силы, постоянное их преобразование по образу и типу ассимилирующей формы. Этот процесс выражается в росте, питании и размножении организмов, в приспособлении их к условиям внешним, в постоянном возобновлении состава тела; в этом же должны заключаться и отличительные признаки общества как живого тела. Общества постоянно поглощают, ассимилируют особей и меньшие общества, которые встречают; чрез посредство размножения они ассимилируют неорганическое вещество и элементарные силы природы; они этого достигают непосредственно, прямо ассимилируя неорганическое вещество и силы в виде средств и орудий; они, таким образом, *возобновляются, растут, приспособляются*. Общественный процесс, следовательно, является не только процессом интеграции или дисинтеграции, подобно всем процессам природы, но также процессом постоянного обмена вещества и силы и постоянного приспособления внутренних и внешних отношений, подобно всем жизненным процессам. Относительно строения, должно сказать, что общество есть не только агрегат, подобно всем формам бытия, но и притом агрегат сложный, подобно всем живым агрегатам, подразумеваемая под большею сложностью не прямое сложение из молекул. Относительно общества это положение еще бесспорнее, чем относительно индивидуальных организмов, по крайней мере, простейших одноклеточных, вроде некоторых *Protozoa* и *Protophyta*.

Таких простых организмов, слагающихся непосредственно из физиологических единиц (или зачатков, по Дарвину) немного. Большинство организмов сложно и есть результат интеграции более простых организмов. Процесс этой интеграции в общих чертах следующий: вследствие размножения организмов появляется группа их, имеющая некоторую постоянную связь, сначала большею частью только механическую по причине общего тесного местопребывания; затем, вследствие различия во влиянии внешних сил на различные части этого общества организмов, одни из них развивают преимущественно одни отправления, другие – иные. Рядом с этим процессом дифференцирования подвигается процесс интегрирования, начинается срастание гомологичных частей, получается физическая связь; это облегчает дальнейшее дифференцирование, различные члены группы специализируют различные отправления, пока двойной процесс интеграции и дифференцирования не превратит организмы в органы, а обще-

² Касательно специфических отличий жизненного процесса, см. особенно у Спенсера "Основ. биологии", т. I, часть I: "Данные биологии". Спенсер приводит там много других различий по строению, но я пишу не биологическое исследование и потому опускаю их. Строением живых тел Спенсер весьма удовлетворительно объясняет все особенности жизненного процесса, но так как он сам признает отправление первичным, а строение производным, то остается вопрос, чем обусловлено то основное отправление, которое, создав строение, вызвало все остальные процессы? Тут-то является на помощь Спенсеру гипотеза физиологических единиц и их полярность. Но что такое полярность? Ведь это не новая же элементарная сила? На это теория Спенсера ответа не дает; ясно, что жизненный процесс не может считаться объясненным, пока эта полярность не разложена на элементарные силы и не указана причина такой их комбинации. Вот почему выше я сказал, что жизнь еще не сведена к простым силам. Другие теории еще менее объясняют причину жизни; ни Дарвин в своем пангенезисе, ни Геккель не дают требуемого объяснения. Гипотеза пангенезиса Дарвина ("Прирученные животные и возделанные растения" т. II, гл. XXVII) лучше Спенсеровой объясняет многие частности процесса, но основного вопроса вовсе не касается. Зачатки для Дарвина суть даже просто мелкие организмы. "Каждое живое существо, – говорит он, – следует рассматривать как микроскоп, маленький мир, образованный легионами саморазмножающихся организмов, бесконечно малых и бесчисленных, как звезды небесные" (см.: Ibidem., II, 435). Геккель прекрасно развивает идею постепенности перехода неорганического мира в органический и удачно группирует основные отличия обоих миров, но истолкования этих отличий не дает, так что гипотеза Спенсера является самую глубокою, но что и она не дает окончательного сведения явлений жизни к данной комбинации элементарных сил – это мы только что видели. (Прим. 1-го изд.) В упомянутой уже статье моей "Нравст. начало..." я подробнее останавливаюсь на этом вопросе о сведении жизненной энергии к законам мировой энергии, куда и отсылаю интересующихся вопросом. (Прим. 2-го изд.)

ство – в особь. Этим путем интегрирования низших организмов при дифференциации их отправлений и произошли все высшие организмы. Общественность как неполная интеграция есть повсюду начало процесса, индивидуальность – его результат. Покамест агрегат представляет только общественную интеграцию, все главные физиологические функции отправляются всеми его составными единицами, они непосредственно питаются, возобновляются, растут, размножаются, приспосабливаются и т. д.; специализация деятельности не распространяется на эти основные жизненные процессы. Переход от общественной формы агрегации к индивидуальной происходит постепенно; его можно проследить даже на существующих органических формах; завершается же он окончательною потерей отдельными частями общих органических отправлений и специализацией каждой частью особой функции. Но если переход от общественной агрегации к индивидуальной и весьма мало замечен, то на своих крайних концах отличия обеих форм весьма резки. В организме его составные части, его органы, единицы агрегата лишены всей совокупности жизненных отправлений, дифференцированы физиологически и интегрированы в одно механически неразрывное целое; разрушение этой связи прекращает жизненный процесс. В обществе его слагаемые, единицы агрегата обладают всею полнотою жизненных отправлений, физиологически однородны и не связаны механически, распадение агрегата не влечет прекращения жизненного процесса в его единицах. Дифференцированию в обществе могут подвергнуться только процессы служебные, отправления, служащие для жизни, но не сами жизненные процессы. В этом заключается разница между обществом и организмом: оба принадлежат к категории живых агрегатов и как таковые имеют много общего, отличающего их от агрегатов неорганических, но в пределах явлений жизни они представляют скорее две противоположности: в одном – отправления строго дифференцированных частей служат развитию целого, от такого соподчинения зависит возрастание и умножение жизни; в другом, напротив, отправления целого, распределенные между его единицами, служат для развития этих единиц, составляют подготовительную ступень к отправлениям, общим всем единицам, и, чем всестороннее развивается общее всем частям, тем благоприятнее это для умножения жизни. Общество и организм – это два полюса в цепи живых форм. Переход от одной формы к другой происходит незаметно там, где оба типа не получили резкой определенности и достаточной сложности строения и отправлений. Так, он у растений совершается легче, чем у животных, и процесс поглощения организмов все более и более сложными, кажется, не имеет предела³. У низших животных Герберт Спенсер проследил интеграцию до четвертой степени, хотя на этой степени она уже не бывает полною: у суставчатых она прослежена им только до третьей и, наконец, у позвоночных лишь до второй степени, так что эти наиболее сложные организмы слагаются непосредственно из клеточек, которые одни только являются посредниками между организмом и физиологическими единицами, никогда не имевшими индивидуального бытия. Таким образом, чем выше, сложнее и определеннее органический агрегат, тем менее шансов имеет общество этих агрегатов развиться в организм, пока наконец на высших ступенях жизни это не становится невозможностью, *nonsens*. Если оставим в стороне низшие формы и остановимся только на высших, напр., человеческом обществе и человеческом организме, то увидим бездну между этими двумя формами жизни и должны их признать противоположными по самому направлению жизненного процесса при нормальном развитии агрегатов; но вместе с тем, припоминая переходные формы и процесс, которому обязаны высшие организмы своим возникновением, мы признаем у названных двух агрега-

³ См.: Герберт Спенсер. Основания биологии, т. II, ч. IV, гл. 2-я и 3-я ("Морфологическое сложение растений"), §§ 180–189. Истолкования явлений растительной жизни, изложенные в этих §§, представляют, быть может, лучшее свидетельство в пользу биологической теории Спенсера. 2 См.: Ibidem., II, §§ 199–211. Агрегации четвертой степени находит Спенсер только у Molluscoida (§ 203), третьей степени у Coelenterata (§ 202), Molluscoida (§ 204), Anneloida (§ 206), Articulata (§ 208). Наконец у позвоночных и моллюсков он признает только агрегацию второй степени; о моллюсках см. § 209, а о позвоночных – § 210 и особо гл. XV той же части: "О форме позвоночных скелетов".

ций: у общества и у сложного организма – одинаковое происхождение. Всякий организм, за исключением немногих простейших, был сначала обществом и только потом стал организмом. Таким образом, наши агрегаты генетически однородны, функционально противоположны; оба принадлежат к типу живых агрегатов. Из этого следует, *во-первых*, что обеим формам общие законы, которые сопровождают жизнь везде, где она ни проявляется, эти законы можно смело переносить из области биологической в область социологическую; *во-вторых*, что, так как генезис сложного организма и происхождение общества вначале одинаковы, то история этого генезиса может быть поучительна, указывая процесс, которым общество, отклоняясь от свойственного ему типа агрегации, преобразуется по другому типу. *Наконец*, так как функционально типы противоположны, то дальнейшие аналогии, как бы они ни были заманчивы, не могут иметь научного значения⁴.

Этим мы отчасти уже определили отличия общественного агрегата от целого разряда других живых агрегатов, с которыми в последнее время многие начали смешивать общество. Теории, отождествляющие организм и общество, процесс общественной жизни и процесс индивидуального развития, стали слишком распространены, чтобы их можно было игнорировать. Но мы уже знаем, что оба процесса лишь настолько сходны, насколько оба проявляют основные явления жизни. Таким центральным явлением представляется возобновление живым телом вещества и силы; в индивидуальной жизни оно выражается процессами питания и выделения, а в случае перевеса первого – ростом; в коллективной жизни – явлениями рождения и смерти, при перевесе первого – размножением. Уже в этих основных жизненных процессах, зависящих в последнем счете от одного органического закона (полярности физиологических единиц при неустойчивости органических соединений), уже здесь мы можем наметить зародыши различия обоих процессов. В коллективной жизни обновление вещества и силы производится исключением одних жизненных процессов и возникновением новых, подобных, тогда как в индивидуальном развитии мы наблюдаем исключение и возникновение не самих жизненных процессов, а только их материала и элементов. Коллективная жизнь растет, когда размножается число жизненных процессов, а индивидуальная, – когда большее количество вещества и силы поглощено одним процессом. Не выходя из пределов основных жизненных процессов, мы должны остановиться еще на одном различии, особенно важном. Постоянное обновление вещества и силы, заимствуемых из окружающей среды, как мы видели, ставит живые тела в зависимость от условий среды в гораздо большей степени, чем тела неорганические, и открывает широкое поле влияния среды; изменения, произведенные этим путем, называются приспособлением, которое, таким образом, тоже представляет процесс, общий всему живому. Он может совершаться двояким путем: либо приспособлением жизненного процесса внешним влияниям, либо, благодаря способности, развитой из такого приспособления, приспособлением условий среды к потребностям жизни. Первый способ (пассивное приспособление) в индивидуальной жизни осуществляется усилением или ослаблением отправления, иногда появлением новых и прекращением других; в коллективной жизни он проявляется накоплением влияний, появлением уклонений при рождении и переживанием приспособленнейших. Уже тут мы можем указать довольно важное различие: в индивидуальной жизни *изменяется процесс*, в коллективной – *одни процессы заменяются другими*. Но несравненно важнее то обстоятельство, что самое возникновение и дальнейшее развитие второго способа (активное приспособление) приводить

⁴ Весьма близки к мыслям, изложенным на последних страницах, идеи, высказанные Н.К. Михайловским в его статье: "Что такое прогресс?" (Отч. зап. ... 1869 г.). Особенно достойно внимания то, что автор этой статьи весьма резко выставляет противоположность значения дифференцирования для процесса индивидуальной жизни и общественной; на этой противоположности, г. Михайловский основывает свое опровержение идей Спенсера о социальном организме и прогрессе. Как ни важна эта противоположность, но не надо забывать, что это – противоположность по эффектам, и ей должно быть присвоено истолкование в противоположности причин, деятелей.

жизнь в равновесие со средою чрез воздействие жизни на среду зависит от коллективного процесса; способность индивидуальной жизни приспособлять среду весьма ограничена.

Если коллективная жизнь принимает первое направление, т. е. более изменяется сама, чем изменяет среду, то при возможности интеграции общество стоит на пути развития организма; различное влияние условий начнет дифференцирование жизненных отправлений, сосредоточивая в одних единицах одни, в других другие жизненные процессы. При втором направлении, т. е. при приспособлении среды к потребностям жизни, коллективное развитие проявляет самостоятельный прогресс, не преобразующий, как в первом случае, общества в организм. Если тут различные условия и вызывают дифференцирование отправлений общественного агрегата, то это дифференцирование распространяется не на жизненные отправления, но на отправления, приспособляющие среду к потребностям жизни. Пока развитие общественной жизни остается в этих пределах, общественный процесс не отклоняется к процессу другого типа. Этим рассуждением мы пришли не только к разграничению процесса индивидуальной жизни и процесса социального, но и к наиболее общему различию, характеризующему прогресс социальный и прогресс органический, коллективный. Теперь мы должны остановиться на этом различии.

Глава III

Общественное развитие и прогресс

Мы уже выше видели, что основной жизненный процесс – обмен вещества и силы, одинаково компетентен как в пределах индивидуальной, так и коллективной жизни. В первой он выражается питанием и выделением, во второй – рождением и смертью и справедливо может быть назван обновлением жизни, потому что в этом случае вещество и сила поглощаются или выделяются чрез порождение или прекращение отдельных жизненных процессов. Все, что связано с этим великим фактом жизни, также справедливо относительно коллективной жизни; обновляется организм может только чрез уподобление неорганического вещества и элементарных сил той форме и той комбинации, которая поглощает их; этому ассимилятивному процессу индивидуальной жизни соответствует в коллективной сила *наследственности*, как росту соответствует *размножение*. В индивидуальной жизни постоянное обновление состава является причиной *изменчивости* организма; более полное обновление, совершающееся рождением и смертью, конечно, открывает еще более широкое поле этому процессу. В породах раздельнополых изменчивость вызывается, с другой стороны, столкновением двух наследственностей при *скрещивании*. Таким образом, явления *наследственности*, *размножения*, *изменчивости*, *скрещивания* и *болезненности* как особого вида изменчивости должны мы признать для коллективной жизни основными жизненными процессами, простыми королляриями процесса обновления жизни; законы этих явлений суть основные биологические законы и компетентность их распространяется на все поле жизни; где жизнь, там и эти процессы. Взаимодействием между ними и средою осуществляется прогресс жизни. Таковы простые деятели органического прогресса: влияние среды, размножение, наследственность и т. д.; но при известных условиях среды они, сочетаясь, производят других, так сказать, вторичных органических деятелей.

Среда имеет только ограниченное количество материала, годного для преобразования в живую материю, размножение же, т. е. порождение новых жизненных процессов, по-видимому, неограниченно. Таким образом постоянно возникает гораздо большее число жизненных процессов, чем то, которое среда может снабдить материалом (прокормить); отсюда неизбежность постоянной гибели известного числа их, превышающего средства существования. Жизненные процессы неодинаковы; благодаря законам изменчивости, все они имеют более или менее сильные отличия; некоторые из этих отличительных качеств облегчают добычу потребного для продолжения жизни материала, и особи, обладающие ими, должны несомненно пережить, лишённые же этих благоприятных для жизни особенностей должны погибнуть. Этим *переживанием приспособленнейших* разнообразная изменчивость получает определенное направление; все изменения, не следующие ему, погибают, и жизнь изменяется, постоянно более и более приспосабливаясь к условиям среды. Наследственность упрочивает все пережившие уклонения. Таким образом, тут простые деятели органического прогресса: условия среды (ограниченность средств), размножение, изменчивость и наследственность – сочетаясь вместе, производят сложного деятеля – *естественный подбор*.

Изменчивость, упрочиваемая наследственностью, направляется переживанием приспособленнейших в борьбе за существование, так как часть организмов должна непременно погибнуть вследствие размножения, превышающего средства к существованию. Значение естественного подбора в органическом прогрессе первостепенно; преимущественно им направляется течение прогресса, тогда как проявление прямого приспособления, деятеля простого, сравнительно невелико.

Изменчивость, упрочиваемая наследственностью, но направляемая уже не борьбою за существование, а *борьбою за спариванье*, порождает другой сложный деятель органического

прогресса – *подбор половой*. Как борьба за существование вызывается перевесом потребности в материале над количеством его, которое может доставить среда, так точно борьба за спаривание вызывается перевесом потребности спаривания у одного пола над числом особей другого пола, готовых к спариванию; роль ограниченности средств существования тут играет неравночисленность полов, абсолютная или относительная, как в случаях полигамии или неединовременного созревания самок при постоянной готовности самцов. Уже из этого видно, что половой подбор – деятель более сложный, чем естественный. Размножение, ограниченность средств – вот возбудители естественного подбора, факты для биологии, конечно, элементарные; половой же подбор вызывается половым инстинктом, абсолютною неравночисленностью полов, полигамией, неединовременным созреванием самок – фактами, которые сами по себе требуют сведения к простым биологическим началам. Во-вторых, нужно заметить, что в то время как естественный подбор является сочетанием органических деятелей и условий среды, половой подбор представляет комбинацию одних органических деятелей; отсюда меньшая его суровость, большая изменяемость направления, меньшая прочность эффектов. Итак, коллективный жизненный процесс представляет, *во-первых*, основные жизненные процессы обновления жизни, размножения, наследственности, изменчивости, скрещивания, болезненности, и *во-вторых*, сложные процессы, продукт сочетания основных процессов между собою и с влияниями среды. Поступательное движение органического прогресса определяется одним простым деятелем – прямым приспособлением, определенным влиянием среды, и двумя сложными – подбором естественным и подбором половым. Таков, в общих чертах, характер органического прогресса, т. е. процесса, когда коллективная жизнь является пассивною относительно среды, сама приспособляется, но не приспособляет среды к потребностям жизни. Если, сохраняя такой характер процесса, коллективная жизнь интегрируется в общество, то она имеет склонность продолжать интеграцию и может из коллективного процесса преобразиться в индивидуальный, специализируя жизненные процессы между различными единицами. Неопределенность той формы агрегации, которую мы называем видом или племенем, не позволяет органическому прогрессу развить процесс перехода коллективной жизни в индивидуальную, в главный процесс развития, но обуславливающее его дифференцирование все-таки находит широкое применение в органическом прогрессе.

Коллективная жизнь, проявляясь в агрегации вида, представляет, конечно, минимум реальной связи, при которой еще можно назвать собрание отдельных тел агрегатом. Такою связью особей вида является общее происхождение, одинаковость среды, половой инстинкт и вытекающие из двух первых условий одинаковость строения и отправления и общность привычек и инстинктов. Тут процесс развития жизни осуществляется, как мы видели, приспособлением отдельных особей к условиям среды и переживанием приспособленнейших. Общественная форма коллективной жизни при нормальном развитии отличается от видовой как по степени интеграции, так и по процессу. Основное отличие процесса, как было уже указано, заключается в том, что жизнь уже не является пассивным материалом для действия среды, противопоставляя этому действию только силу наследственности, т. е. влияния прежней среды; напротив того, общественный процесс, приспособляясь сам к условиям среды, в то же время воздействует на нее активно, приспособляет ее к потребностям жизни и тем ограничивает ее значение в прогрессе. Это приспособление достигается частью прямо преобразованием физической среды, частью созданием рядом с нею новой среды, общественной: богатства, орудий, науки, политических учреждений – одним словом, всего того, что мы обыкновенно соединяем под именем *культуры* и *цивилизации*. Создание этой новой среды для коллективной жизни, среды, которая отчасти заменяет, отчасти ограничивает и, во всяком случае, преобразует влияние физической среды, словом, развитие культуры – вот отличительный признак общественной жизни от всякой другой формы коллективной жизни. Культура же является связующим элементом агрегата, превращающим отвлеченную, так сказать, агрегацию – племя – в реаль-

ную – общество; своя собственная среда, наряду с общей всему живому физической средой, – вот особенность общества, и различия этой особой среды (культуры) обуславливают различия обществ. Конечно, основной процесс жизни остается тем же и в общественном процессе: возобновление вещества и силы, рост, наследственность и т. д. продолжают составлять отличительный признак общественной жизни. Создавая среду социальную, общественная жизнь и ее подчиняет основному закону жизни; развитие этой среды точно так же представляет нам постоянный процесс обмена вещества и силы. Общественная жизнь постоянно перерабатывает материю и элементарные силы в те особые комбинации, которые проявляются в культуре: в предметы потребления, в орудия производства и защиты и т. д.; эти комбинации, потребляясь жизнью, постоянно разлагаются, и общественный процесс заменяет их новыми комбинациями, удовлетворяющими тем же потребностям. То же относительно других сторон культуры. Знание, столь важный элемент культуры, есть продукт переработки общественным процессом не элементарных сил природы, а тех сложных их комбинаций, которые мы зовем психическими процессами, продукт переработки наблюдений, опытов, умозрений и т. д. Знание точно так же постоянно обновляется; проявляясь только в живых особях, оно умирает и рождается вместе с ними. Смерть мыслителей и ученых – вымирание знания, образование – его рождение. Вследствие этого, естественно, меняется его количество и качество; каждый новый ученый или мыслитель, заменяющий выбывшего, знает что-нибудь такое, чего его предшественник не знал, и не знает, что тот знал. При оскудении образования происходит вымирание знания чрез смерть ученых, при недостаточном возмещении их новыми. Это явление мы наблюдаем, напр., в период упадка классического мира. Но кроме этого постоянного обновления знания с обновлением ученых, даже рассматриваемое объективно знание обновляется; история наук есть история исчезновения одних мнений и замены их другими.

Таким образом, основной жизненный процесс сохраняет свои отличительные признаки и в общественном процессе, который складывается из процессов, тесно связанных и в действительности нераздельных: органического жизненного процесса и развития культуры, социальной среды. Третьим фактором является влияние среды физической. Органический жизненный процесс есть продукт деятельности физической среды; развитие культуры есть продукт органического жизненного процесса, который, таким образом, с одной стороны, является эффектом, с другой – деятелем. Этот двойной его характер в общественном процессе мы не должны забывать. Остановимся, хотя ненадолго, на каждой из трех категорий деятелей общественного прогресса: влиянии физической среды, проявлении жизненной активности и собственно социальных деятелях, чтобы лучше уяснить себе их взаимную зависимость и роль каждой категории в общественном процессе.

Мы видели выше, что в органическом прогрессе надо различать деятелей простых, необходимые функции основного жизненного процесса: наследственность, размножение, изменчивость и др., – и деятелей сложных, представляющих сочетание нескольких простых процессов, естественный и половой подбор.

Компетентность первого разряда органических деятелей в общественной жизни безусловна; нельзя того же сказать без предварительного исследования о втором разряде. Будучи сочетанием нескольких деятелей, проявление их зависит от присутствия условий, благоприятных этому сочетанию. Если количество средств существования будет меньше необходимого при данной быстроте размножения, если качества, которым обязаны особи, пережившие кризис, свою победу, могут быть унаследованы, то естественный подбор проявит свое действие; вопрос в том, осуществляются ли эти условия в социальной жизни? Если существует абсолютная или относительная неравночисленность полов, если победу в борьбе за спаривание доставляют качества, органически наследственные, то половой подбор будет иметь место; вопрос в том, находим ли мы эти условия в общественном процессе? Одним словом, относительно органических деятелей должно сказать, что если первая их группа – основные законы жизни

и безусловно распространяет свою компетентность на общественный прогресс, то значение и самое проявление второй группы нуждается в специальной проверке. *A priori*, по крайней мере, относительно естественного подбора можно заметить, что так как он является главным выражением процесса приспособления коллективной жизни к условиям среды и так как в обществе этот процесс, если и не совершенно, то в значительной степени заменяется процессом приспособления среды к условиям жизни, то едва ли не должна сильно сузиться арена деятельности этого фактора.

Процесс приспособления среды к условиям жизни чрез создание новой среды, частью парализующей, частью преобразующей влияние старой – это главный отличительный процесс общественной жизни; этот *первичный* общественный процесс составляет проявление активности живых единиц общественного агрегата, потому что, как мы видели, Процесс коллективной жизни есть просто совокупность индивидуальных процессов. Воздействия социальной среды (культуры), созданной деятельностью членов общества, будут для нас *вторичными* социальными деятелями. Если оставим пока в стороне изменяющее влияние органических деятелей и физической среды, то общественный процесс нам представится как двойной процесс жизни, приспособляющей и приспособляющейся. Индивидуальные жизненные процессы, сочетаясь в коллективный процесс, деятельность личностей, сливаясь в общественную, производят общественную среду (культуру) и вслед за тем сами приспособляются к условиям этой среды. Среда создается личностями, личности же являются до известной степени продуктами этой среды; приспособляющий жизненный процесс (т. е. деятельность личностей, создающая среду) обновляется, размножается, преобразуется согласно общим законам жизни; среда, постоянно создаваемая этими процессом и затем постоянно им потребляемая, обновляется, разрастается и преобразуется, следуя тем же законам. Но если, с этой стороны, она является продуктом жизненного процесса, то с другой – она сама, раз созданная, начинает регулировать обновление, размножение и, в особенности, преобразование жизненного процесса. Личности создают общественные условия, и сами, в свою очередь, являются отчасти продуктом этих условий.

Имея перед собою статистическое обозрение какого-либо государства, мы видим множество особых, тщательно подобранных рубрик и граф, по которым распределяют статистики различные общественные явления: естественное приращение, действительное приращение, браки, рождаемость, смертность, незаконные рождения, проституция, преступность вообще, преступность по родам и видам, производительность, торговля, грамотность и т. д. – все это различные порядки и роды общественных явлений, но как они производятся? Возьмем для примера индивидуума А и проследим его жизнь, хоть в продолжение одного года. В начале года он женился, в продолжение года судился, по поводу процесса обнародовал оправдательную брошюру, занимался сельским хозяйством и произвел *a* пудов хлеба, *b* льну и пеньки, *c* шерсти, в конце года переселился из одной провинции в другую. Вот краткий итог годовой деятельности нашей гипотетической личности; всякий согласится, что это итог деятельности громадного числа лиц и что здесь нет ничего необыкновенного. Все изложенные события произведены им одним или в совокупности с другими людьми; все имеют общую причину в проявлении его личности, но все в таблицах статистики займут различные места. Женитьба попадет в таблицу браков; судимость – в таблицу нравственности; обнародование брошюры может очутиться в таблице образованности; пшеница, лен, шерсть займут подобающее место в графах производительности; переселение повлияет на таблицу действительного приращения, но может очутиться также в одной из граф экономических явлений, если совершилось по каким-либо искусственным путям сообщения, напр. железной дороге. Все эти явления, как ни одинаковы и ни однородны по происхождению, разместятся в различные отделы; различные проявления одной и той же единицы общественного агрегата попадут в различные роды и виды социальных явлений – экономических, нравственных, умственных, демографических. Чем же произведена деятельность А, приведшая к столь разнообразным результатам? Во-первых, чем бы она в последнем

счете ни была произведена, ближайшая, непосредственная причина этих явлений – в ней: все они прошли чрез личную волю А и имеют непосредственную причину однородную – личность А со всеми ее психическими и физическими качествами. Во-вторых, что касается причин, создавших эти психические и физические качества, то они очень разнообразны и, конечно, не могут быть отнесены к одному какому-либо роду явлений. Личность, наследовавшая от своих родителей некоторые качества, приобретшая другие чрез воспитание и, наконец, переработавшая их под влиянием всех условий и событий ее жизни, естественно, может почитаться созданною всею совокупностью явлений и условий настоящего и предшествующих состояний среды. Таким образом, эти соображения приводят нас опять к тому, что ход общественного процесса, в общих чертах, следующий: вся совокупность общественных условий вырабатывает личность, единственный *активный* элемент общества; известная частная совокупность общественных условий в данный момент производит в личности, этом продукте всего предыдущего состояния среды, ряд настроенностей и потребностей; эти настроенности и потребности, переходя в действие, порождают ряд общественных явлений; действия всех личностей данного общества производят всю совокупность общественных явлений следующего момента. Чрез посредство личностей, таким образом, одно общественное состояние в его целом производит другое, а вовсе не одно общественное явление производит другое независимо, изолированно от действия всех остальных. Всякое явление общественное производится всеми предшествующими, произведшими деятельность личностей, и чрез личностей же взаимно оказывает свое влияние на произведение всех последующих. Ряд общественных условий образует ряд личностей, а деятельность последних производит новый ряд общественных условий, и в этом заключается характеристическое отличие общественного процесса от органического. Здесь среда создается жизнью, а жизнь преобразуется под влиянием этой среды, будучи первоначально создана другою средою; в органическом же прогрессе среда, создавшая жизнь, продолжает и после полновластно направлять ее дальнейшее развитие. Итак, путем умозрения из основных законов так же, как путем независимого анализа общественного процесса, мы приходим к различению в нем двух разрядов собственно социальных деятелей: личности, их настроенности и деятельность – это *первичные* деятели (активная жизнь), они осуществляют тот процесс приспособления среды к потребностям жизни, с возникновением которого выделяется общественная жизнь как особая форма коллективной жизни вообще; второй разряд деятелей социальных является продуктом этого приспособляющего процесса, это созданная деятельностью личностей социальная среда, ее влияния и эффекты, это деятели социальные *вторичные*. К их воздействию на первичные деятели, а затем и на процессы, первоначально создавшие их, на деятели органические и влияния физической среды мы и должны перейти сейчас.

Первичные деятели создают среду, общественные условия, т. е. знание, богатство, законодательство, религию, церковь, правительство, войско, администрацию, суд, школу, торговлю, пути сообщения, обычаи и многое др., что мы привыкли соединять под общим наименованием культуры и цивилизации. Эти явления, созданные и постоянно обновляемые деятельною волею и работою личностей, составляющих общество, сами, как выше сказано, воздействуют на своих производителей двояким путем, влияя на них самих непосредственно и действуя на процессы, которым они обязаны своим происхождением, на органических и физических деятелей⁵. Непосредственное воздействие выражается, *во-первых*, влияя на интенсивность энергии, на напряженность активной воли, и *во-вторых*, устанавливая различные отноше-

⁵ Что именно в таком взаимодействии личной деятельности и созданной ею среды выражается социальный процесс, давно уже признано для отдельных явлений среды; так, труд и капитал в экономическом развитии, критика мысли и традиционная религия и наука – в умственном, нравственное убеждение и законодательство – в политическом. Труд, критика мысли, нравственное убеждение – все это различные названия личной деятельности, смотря по тому, на произведение каких явлений она направлена. Истина, на которой я настаиваю в тексте, является, следовательно, общим истолкованием частных истин, частью уже давно признанных наукою.

ния между волею отдельных личностей тем, что дает *власть* в ее различных видах в руки одних, лишая ее других. Знание дает власть человеку сведущему над невежественным; религия и установление иерархии дает власть духовенству над мирянами; богатство дает власть собственнику над пролетариатом. Войско дает власть правительству над народом и одному народу над другими; законодательство распределяет власть в различных степенях между различными категориями личностей. Власть же во всех ее видах заключается, по-видимому, в том, что воля личности, ею обладающей, в общем итоге личных волей, решающем то или другое направление общественного развития, значит более воли личностей, лишенных власти. Этою стороною своего влияния вторичные социальные деятели достигают того, что значение для общественного процесса деятельности различных личностей совершенно непропорционально их личной силе, энергии, уму; оно определяется более социальными условиями. Таким образом, сила, создающая социальные условия, сама почти всецело обусловлена этими условиями, так что вообще, не делая грубой ошибки, на практике можно рассматривать социальные условия как продукты предыдущих социальных условий; но теоретически такое представление будет неверно, потому что, как бы ни была обусловлена социальной средою деятельность личностей, все же она и ничто другое создает эту среду. Теоретическая важность этой истины определяется не только тем, что только ею связывается жизненный процесс вообще с процессом общественной жизни, но и по многим другим важным последствиям.

Таково влияние вторичных социальных деятелей на первичные, но этим преобразованием их проявления не ограничивается роль вторичных деятелей; они идут дальше и влияют на самое происхождение первичных деятелей, преобразуя течение коллективной органической жизни и парализуя или ограничивая влияние физической среды. Что касается деятелей органических, то мы уже видели, что значение сложных процессов, как подборы естественный и половой, далеко не безусловно в социальном прогрессе, что проявление их зависит от условий, не связанных неразрывно с общественным процессом и что априорические соображения заставляют предполагать постоянное стеснение поля их деятельности. Простые органические деятели, конечно, сохраняют свое значение, но не надо забывать, что это – деятели, сами собою не производящие прогресса. Наследственность – деятель только консервативный, это, так сказать, отрицательный фактор прогресса. Изменчивость же сводится, в последнем счете, на столкновение наследственностей и на влияние среды. Таким образом, за вытеснением сложных органических деятелей мы имеем дело только с этими влияниями, с определенным влиянием внешних условий. Внешние условия у нас двоякого рода: общественные и физические. Отношения между социальной и физической средою и должны мы определить теперь. Общественная среда обязана своим происхождением процессу, приспособляющему условия существования к потребностям жизни; это сразу определяет для нас их отношения. Развитие социальной среды должно быть борьбою с влияниями физической среды, и прогресс исторический должен быть победою над этими влияниями. Самый беглый обзор значения физических деятелей в обществе подтвердит наше заключение.

Одно из самых важных значений физических деятелей в органическом прогрессе есть порождение индивидуальной изменчивости; без нее невозможен был бы ни естественный, ни половой подбор. Влияние это сохраняют физические деятели и в социальной жизни, но значение его. Для прогресса диаметрально противоположно, потому что оно является не только не главным импульсом прогресса, но даже его задержкой, по крайней мере, большею частью. Пересмотрим главных деятелей физической среды с этой точки зрения. Влияние *климата* на органический прогресс громадно; не столь велико, но все же и не мало оно и в социальной жизни, но в каком направлении его действие? Дифференцировать племена различных территорий, хотя бы одного происхождения и одной культуры, и ассимилировать жителей той же местности, хотя бы весьма чуждых по происхождению и культуре, – вот его роль. Таково ли направление влияния социальной среды? Нет, оно стремится дифференцировать племена различных

культур, а в сфере той же культуры – по роду занятий, и ассимилировать племена одной культуры, хотя бы живущие в различных местах. Ясно, что течения противоположны и взаимно исключают друг друга, но этого мало: доставляя отопление, жилище, освещение, развивая обмен произведений разных стран, социальная среда непосредственно ограничивает резкость климатических различий. То же должно сказать и о *почве*. Главное ее влияние выражается в доставлении *пищи, различной* для жителей различных стран, но обмен продуктов между странами, удобрение, акклиматизация и проч. значительно сокращают значение этих природных различий. Кроме климата, почвы и пищи, Бокль признает большое значение *за общим видом природы* на развитие мифических воззрений, а следовательно, вообще на умственный прогресс, но распространение науки, для всех стран одинаковой, все более и более ограничивает значение и этого фактора. Впрочем, несомненно, что социальная среда хотя и ограничивает и несколько преобразует влияние перечисленных физических деятелей, но никогда не вытесняет их совершенно, оставляя за ними прежде всего роль тормоза, который, вызывая изменчивость, противоположную изменчивости, вызываемой деятелями социальной среды, более или менее успешно парализует влияние последней, а во-вторых, сохраняя за ними и некоторое положительное значение.

Второе важное влияние физической среды выражается ограниченностью средств существования; ограниченность эта служит причиной естественного подбора, полагая предел размножению. В органическом прогрессе этот предел есть грань, "уже не преjdeши", но в общественной жизни деятели социальные рядом особых процессов расширяют этот предел. Здесь физическое условие, ограниченность средств, является условием только отрицательным; без него не понадобились бы противодействующие социальные процессы, но причина проявления этих процессов лежит не в физических условиях. С другой стороны, надо помнить, что в тех случаях, когда социальные процессы не успеют вовремя расширить предел, ограниченность средств вызывает усиленную смертность, наносит ущерб общественной жизни; что даже если предел размножения вовремя расширен, то трата сил на эти специальные процессы есть тоже вычет из общего капитала общественной жизни; словом, надо признать в этом случае за физическими деятелями значение задержки общественного развития. Такова-то роль физических деятелей в социальном прогрессе: некогда всемогущие определители прогресса, они в развитой общественной жизни сохраняют преимущественно значение задержки, тормоза развития; прямое определенное их влияние никогда не может быть совершенно вытеснено, но сводится к сравнительно небольшим размерам.

Глава IV

Определение общества

Теперь, после пройденного нами пути, мы можем вернуться к вопросам, с которых начали: что такое общество? что такое общественный процесс? что они имеют общего с другими создаваемыми нами формами и процессами? и что характеристичного, отличительного? На эти вопросы мы можем теперь ответить: резюмируя все предыдущее изложение, мы можем дать свод тех сходств и отличий, которые характеризуют общество в ряду других неорганических и органических тел создаваемого нами мира. Прежде всего, общество, подобно всем без исключения телам, существующим в природе (в пределах нашего сознания), отличается *агрегатностью строения*, т. е. представляется собранием материальных единиц (других тел) и комбинацией заключенной в этих единицах энергии. Эти единицы общественного агрегата то умножаются, то сокращаются; эта энергия то накапливается, то растрачивается агрегатом; сообразно этому общество, подобно всем остальным без исключения телам, существующим в природе, обнаруживает явления интеграции (накопление материи при *относительной* трате энергии) и *дисинтеграции* (накопление энергии при относительной трате материи). Эти отличительные признаки строения и развития, общие телам органическим и неорганическим, одинаково присущие молекулам, непознаваемым нами по их дробности, и вселенной, недоступной познанию по ее необъятности, составляют равным образом и отличительные признаки строения, отправления и развития общества. В этом заключаются черты сходства, соединяющие общественные тела со всеми иными формами бытия. Черты отличия начинаются с фактом распада тел и явлений природы на тела и явления неорганические и органические. Общество принадлежит ко второму классу, или, как еще недавно было общепринято выражаться, царству природы.

Первый признак, отличающий органические тела (общество в том числе), представляется *сложно-агрегатным* строением. Эта сложность сопровождается такою отличительною комбинацией энергии, что элементарные процессы интеграции и дисинтеграции сливаются в сложный процесс *жизни*, процесс, в котором трата (дисинтеграция) и накопление (интеграция) вещества и энергии, проявляясь непрерывно и непременно, взаимно уравниваются в виде постоянного обмена, *постоянного кругооборота материи и энергии*. В этом заключается отличительная особенность *отправлений* органического тела (общества в том числе) как в сложности – отличительная особенность *строения*, а в приспособлении – отличительная особенность *развития*. Выше мы видели, как эта особенность развития жизни (приспособление) обусловлена особенностями ее отправления (обменом вещества и энергии) и строения (сложностью). Мы видели также, как эти явления развития жизни, сочетаясь с влиянием среды, образуют *прогресс*, который есть процесс установления равновесия между требованиями жизни (потребностями, вызываемыми и непрерывным непременным круговоротом материи и энергии) и условиями среды. Сложность строения; комбинация интеграции и дисинтеграции в один процесс обмена вещества и энергии; приспособление и прогресс – таковы отличительные признаки, присущие всем без исключения живым телам и всем без исключения явлениям жизни, отличая эти тела и явления от тел и явлений мира неорганического (царства ископаемых, как недавно принято было называть неорганическую природу). И общества отличаются всеми этими особенностями: развивают сложность строения; непременно и непрерывно расходуют и накапливают вещество и энергию; приспособляются и приспосабливают; прогрессируют и регрессируют.

В самом развитии жизни сказывается, однако, существенное различие, расчленяющее ее на два типа по строению, по отправлениям и по развитию. Сложность строения может быть разных степеней и разного характера; обмен вещества и энергии может быть объединен в один

процесс жизни в различной степени и различным образом; наконец, – и это главное, хотя и обусловленное отличиями в строении и отправлениях, – процесс развития может проявляться в приспособлениях жизни к условиям среды и в приспособлении среды к потребностям жизни. Второй способ уравнивания жизни и среды проявляется далеко не всеми органическими телами и отличает далеко не все явления жизни; он составляет отличительную особенность того разряда органических тел, который обыкновенно именуется царством Животных, и тех явлений жизни, которые выше мы охарактеризовали названием *жизни активной*. Целесообразное воздействие на среду составляет сущность активности, проявляемой этим классом живых тел и этим разрядом жизненных явлений. Активность присуща и обществам, отличая их от царства неодушевленной органической природы (пассивная жизнь) и включая их в мир одушевленной природы, в царство жизни активной⁶.

Активность одним из главных своих последствий являет приспособление среды к потребностям жизни⁷. Этот процесс, до соединения активных организмов в общество, может быть проявлен лишь в сравнительно очень ограниченном размере. В период досоциальный и активная жизнь более приспособляется к среде, нежели приспособляет среду. Только активная общественная жизнь получает достаточную силу для того, чтобы подчинить физическую среду и процесс приспособления этой среды к своим потребностям, превратить в главный нерв прогресса. Приспособление жизни к условиям физической среды, властно направляющей развитие жизни, – это *прогресс органический*. Приспособление среды к потребностям жизни, преобразующей и парализующей влияния физической среды, – это *прогресс исторический*. Активность, скомбинированная в общественной жизни в могучую самостоятельную силу природы, является источником и причиной этой победы жизни над физической средой, а средством и орудием победы является *культура* как особая общественная среда, созданная активной жизнью, слившаяся с нею в одно сложное общественное тело, вместе с нею расходующая и накапливающая вещество и энергию и вместе с нею следующая общим законам, управляющим жизнью всюду, где бы и как бы она ни проявлялась. Скомбинированная, так сказать, *сложная активность* и порожденная ею *культура*, интегрированные в одно тело, – такова основная отличительная особенность *общественного строения*. Постоянный процесс траты и восстановления активности, постоянный процесс *потребления и производства культуры* – таковы отличительные особенности *отправлений* общества. Приспособление физической среды в потребностях жизни, развитие активности и культуры, приспособление жизни к культуре и культуры к жизни – таковы основные отличительные явления *прогресса исторического*, или общественного. Отсюда уже не трудно дать сжатое определение общества как предмета социологии.

Если *общезжитием* мы назовем всякое собрание (агрегат) всяких живых особей (пассивных организмов или активных), то *обществом* мы должны будем назвать *общезжитие активных особей, создавшее свою особую общественную среду, или культуру, и слившееся с нею в одно сложное тело*. Короче говоря, общество есть активно-культурное общезжитие.

По-видимому, это будет наиболее удовлетворительным определением общества; интегрирование в один агрегат жизни и ее среды, по-видимому, есть наиболее общее отличие общественного процесса, истолковывающее остальные отличия и дающее ключ к объяснению многих особенностей общественной жизни, уже прежде подмеченных и формулированных различными отделами обществознания в частные законы.

⁶ В этой работе, которой резюме и свод предлагается настоящими строками, явление активности затронуто лишь очень бегло и поверхностно. Позднее я попытался восполнить этот важный пробел, см. уже упом. "Нравств. нач. в общ. борьбе". (Прим. 2-го изд.)

⁷ Другим, в высшей степени, важным последствием является *развитие индивидуальности*, составляющее главное содержание прогресса активной жизни в досоциальный период. (Прим. 2-го изд.)

Глава V

Половой подбор в органическом прогрессе

Общие принципы, изложенные мною на предыдущих страницах, основаны, главным образом, на противуположении социальной среды физической, а поэтому исторического прогресса, регулируемого первою, органическому прогрессу, направляемому физической средою. Вывод этой противуположности прогресса общественного и органического неизбежен, как скоро признаны основные принципы развитых мною в прошлых главах воззрений; лучшим их оправданием было бы независимое доказательство, выведенное не из них, а из сопоставления фактов, того, что процесс органического прогресса существенно отличен от общественного прогресса и что с прогрессом социальной жизни вытесняются деятели органического прогресса. Так ли это?

Мы видели, что органические деятели делятся на две существенно различные по своему значению группы: группу простых деятелей – наследственность, изменчивость, болезненность, размножение и скрещивание, и группу деятелей сложных – результат сочетания простых биологических начал между собою и с условиями физической среды. К группе сложных органических деятелей относится и половой подбор, предмет предлагаемого исследования. Отличие полового подбора то, что он есть сочетание только одних биологических начал; поэтому, не желая с самого начала сталкиваться в своем исследовании с влияниями физической среды, я и выбрал его для начала. Вообще половой подбор – деятель более сложный, нежели подбор естественный, но для социолога он проще, потому что исследователь имеет дело только с органическими деятелями, не касаясь физических в тесном смысле.

После естественного подбора одним из самых могучих, если не самым могучим деятелем органического прогресса, является подбор половой. Действие и развитие этого процесса, подобно естественному подбору, основывается на законах наследственности и изменчивости, причем эффекты этих законов обуславливаются и направляются другими деятелями. В естественном подборе этими деятелями являются условия внешние, находящиеся вне организма, – средства к существованию, ограниченность которых вызывает борьбу за существование. Следствием борьбы за существование является вымирание одних особей и выживание других, приспособленнейших, которые в ряде поколений и вытесняют не успевших измениться. Таким-то образом, изменчивость, упрочиваемая наследственностью, под влиянием ограниченности средств существования и производит естественный подбор. Изменчивость же, упрочиваемая наследственностью, но под влиянием иных деятелей, и притом деятелей только органических, производит и половой подбор. Деятели, направляющие изменчивость и наследственность в этом втором случае подбора, весьма разнообразны, но все находятся в большей или меньшей связи с *половым влечением*. Рассмотрим в общих чертах способ действия полового подбора и его эффекты и последствия в органическом прогрессе, а затем уже перейдем к вопросу, насколько его можно считать фактором и социального прогресса?

Половое влечение как у самцов, так и у самок распространяется далеко не безразлично на весь противуположный пол, но сообразуется с известным вкусом, которым и руководствуются особи при спаривании. Это первое положение; затем достоверно, что самцы страстнее самок (за небольшим исключением), и что потому они скорее готовы удовлетвориться какою бы то ни было парюю, самки же более (сравнительно) разборчивы, вследствие чего постоянно стремятся спариваться с самцами более привлекательными и отвергают непривлекательных. До сих пор еще никакого особого последствия вывести нельзя, но есть еще третий факт, именно: что здоровые, а потому и вообще более плодовитые самки бывают готовы к спариванию во время полового периода раньше самок нездоровых, захилевших, слабых, а потому менее плодород-

ных, самцы же всегда готовы к спариванию. Таким образом, когда поспевают первые самки, то численное отношение между ищущими пары самками и самцами далеко неодинаково. Самкам, следовательно, является довольно широкая возможность выбора по их вкусу наиболее привлекательных. Замечу еще, что перед спариванием самцы обыкновенно сражаются за самку, так что выбор самки падает только на самых сильных и самых привлекательных. В некоторых породах, где бои слишком преобладают, самки вовсе не выбирают, а достаются сильнейшему; у других боев вовсе нет, и выбираются только привлекательнейшие. Как бы то ни было, но результатом всего этого бывает то, что спарятся с самыми плодовитыми, ранее приготовившимися самками самые сильные или самые красивые, или самые сильные и красивые самцы, потомство которых будет, таким образом, многочисленнее и здоровее потомства других самцов, не обладающих этими качествами и спарившихся с запоздавшими самками. Этим способом, благодаря действию наследственности, будут распространяться в ряде поколений те уклонения, порожденные изменчивостью, которые либо облегчают бой за самку, либо привлекают ее; а этим и выразится то, что Дарвин назвал половым подбором. Если мы допустим, что данный вид полигамичен или что численность одного пола значительно превышает численность другого, то действие полового подбора станет возможно и при отсутствии факта неединовременного созревания самок. Процесс полового подбора станет нагляднее на примере. Предположим, что в известной местности живет вид численностью в 40 000 особей, причем число особей обоего пола равно, т. е. по 20 000 самцов и самок, и что число плодовитых и неплодовитых самок тоже равно, так что мы имеем 10 000 самок каждого разряда. Для простоты задачи предположим, что число рождений и смертей равно и что плодовитость самок выражается в принесении ежегодно по 2 детеныша, а малопродуктивные приносят только по одному, т. е. всего ежегодно появляется 30 000 детенышей, из которых 20 000 принадлежит плодовитым, рано созревающим самкам, а 10 000 малопродуктивным, запаздывающим. Прибавлю тоже для простоты гипотезу, что половой зрелости молодые животные достигают в один год. В таком состоянии застаем мы наш гипотетический вид, когда игрою изменчивости или, может быть, прямым действием условий появилось изменение, положим, более яркий цвет покровов, и этот цвет понравился самкам. Новорожденные с этим изменением в то поколение, в котором мы застаем вид, составляют всего 10 %. Значит, всего изменившихся особей родится 3000; 1500 самцов и 1500 самок, остальные 27 000 особей обоего пола будут неизменившимися, да всех стариков 40 000 тоже мы предполагаем без этого признака. К следующему периоду размножения общее число особей должно сократиться до 40 000, причем изменившихся будет самцов – 857, и самок – 857, таковы неравные шансы двух пород, как 857:19143. Но все привлекательные самцы (т. е. изменившиеся) спарятся с самками плодовитыми и произведут потомство в 1714 особей. К этому числу уклонившиеся самки прибавят следующие числа.

1) Самки малопродуктивные, уклонившиеся, которые все спарятся с неизменившимися самцами, произведут по одной особи, т. е. всего 428,5.

2) Самки плодовитые, уклонившиеся, спарятся частью с уклонившимися самцами, частью с неуклонившимися в следующей пропорции:

$$x: y = 857: 19143, \text{ а } x + y = 428,5$$

отсюда:

$$y = 428,5 - 19143 \cdot 20000$$

$$y = 410,13,$$

$$\text{а } x = 18,37,$$

где y – число самок плодовитых уклонившихся, спарившихся с неуклонившимися самцами, а x – число спарившихся с уклонившимися. Значит, всего уклонившихся особей родится $= 1714 + 428,5 + 820,26 = 2962,76$, да прежних $+ 1714 = 4676,76$. К следующему половому периоду их сохранится $= 2672$. Это составит % приращения относительно прежних 1714 особей $= 55$ %; оно и понятно, потому что в то время как плодовитость всего вида выражается

в 75 %, плодовитость уклонявшихся = 172,8; борьба очевидно неравная и рано или поздно должна кончиться в пользу изменившейся формы.

Это вычисление наглядно показывает, каким образом изменчивость, упрочиваемая наследственностью, действует под влиянием различных условий и сил, проявляющихся у животных совместно с половым инстинктом. Ознакомившись с общим способом действия полового подбора, посмотрим теперь на те эффекты, которые он производит. Очевидно, что так как половой подбор есть сложный результат четырех условий: изменчивости, наследственности, полового инстинкта со всеми его спутниками и неравночисленности полов (абсолютной или относительной, как в случае полигамии или неединовременного созревания самок), то, натурально, и эффекты его зависят от этих четырех факторов. Значение их, конечно, далеко не одинаково. Неравночисленность полов есть условие только отрицательное: без него не может начаться процесс полового подбора, но дальнейшего влияния на его ход или характер оно не имеет. Эстетическое чувство, сопровождающее проявление полового инстинкта, является деятелем направляющим, сортирующим продукты изменчивости, которые вместе с наследственностью и представляют таким образом главные факторы. Наследственность упрочивает изменения, порождаемые изменчивостью и подбираемые половым вкусом, – это ее роль. Однако этим посильным запечатлением прогресса она не ограничивается; она запечатлевает различно: то передает изменение, приобретенное одним полом, обоим полам и во все возрасты, то ограничивает передачу только известным возрастом или даже временем года; иногда ограничивает полом, а иногда полом и возрастом или временем года одновременно. Благодаря такому разнообразию способов унаследования, половой подбор производит самые разнообразные эффекты. Из них самым важным является половое дифференцирование, а потому я и остановлюсь на нем несколько подольше, но предварительно нам нужно бросить взгляд на те законы наследственности и изменчивости, которые своим сочетанием в процессе полового подбора производят, по Дарвину, дифференцирование полов, создают так называемые вторичные половые признаки.

Всякий признак, которым обладает один из родителей, стремится воспроизвестись в потомке; иногда он действительно воспроизводится, *развивается* в нем, иногда же только *передается* в скрытом состоянии и развивается уже в потомках детеныша; такая передача без развития может продолжаться неопределенное число поколений, а если передающийся признак был первоначально свойствен обоим родителям, то нельзя указать предела, после которого уже нельзя ожидать его воспроизведения, развития в потомке, отдаленном хотя бы тысячами поколений⁸. Вообще признак, свойственный и отцу, и матери, наследуется сильнее, чем свойственный только одному родителю, и имеет даже тенденцию развиваться с большей силой, нежели он был у родителей⁹. Реверсия или атавизм, т. е. развитие признака, только переданного через родителей, проявляется обыкновенно при рождении, изредка же только передается при рождении, а развивается в более позднем возрасте¹⁰. Если известный признак развился у родителя в известном возрасте, то он стремится быть унаследованным в том же возрасте; однако здесь замечается общее стремление развиваться в потомке несколько раньше, чем у родителя¹¹. Не все особи и породы обладают одинаковою силою передачи; одни передают свойственные им признаки преимущественно перед другими. Но от чего зависит это преимущество неизвестно. Некоторые признаки имеют наклонность наследоваться только соответствующим полом, весьма редко только противоположным полом¹², иногда развиваются только в

⁸ См.: Дарвин. Прирученные животные и возделанные растения, II, 37.

⁹ См.: Ibidem., II, 23.

¹⁰ См.: Ibidem., II, 39–40, 41.

¹¹ См.: Ib., II, 9, 83–84; см. также Дарвина: Происхождение человека..., русск. пер. Сеченова, I, 320. Люка держится того же мнения.

¹² См.: Дарвин. Прир. жив., II, 76.

соответствующем, но передаются только чрез противоположный¹³; иногда развиваются в младенчестве в противоположном, а в зрелом преобразуется сообразно соответствующему¹⁴. От чего зависят все эти осложнения случая ограниченной полом наследственности определить нельзя при современном состоянии знания, но вообще самое ограничение находится в соответствии с другим ограничением наследственности. Признаки, развитые родителями в зрелом возрасте, стремятся наследоваться только соответствующим полом, развитые же в раннем возрасте наследуются обоими полами¹⁵; впрочем, по-видимому, первое правило более общо, чем второе¹⁶. Фактические исключения из обоих правил малочисленны¹⁷. Если в известной породе установится ограниченная полом наследственность или наоборот, то одна форма с трудом переходит в другую¹⁸. Этим отчасти могут быть объяснены те аномалии, когда полы дифференцированы в младенчестве; очень может быть, что первоначально полы дифференцировались в более позднем возрасте и этим обусловилось ограничение наследственности полом, но затем, благодаря вышеприведенному закону более раннего развития родительских признаков, дифференциальные признаки в ряде поколений, развиваясь все раньше и раньше, наконец, начали проявляться в детстве, а трудность перехода уже установившейся формы наследственности в другую помешала равному наследованию признаков обоими полами. Противуположные аномалии, – дифференцирования по возрастам при недифференцированных полах – не находят себе подобного объяснения и просто колеблют всеобщность закона ограниченной полом наследственности поздних признаков. Признаки, различающиеся у родителей, в потомках иногда сливаются, иногда же неспособны к этому и наследуются либо всецело, либо вовсе не наследуются¹⁹. В этом кратком изложении указаны все главные законы наследственности; теперь надо сказать несколько слов о другом факторе – *изменчивости*.

Изменчивость – факт всеобщий; нет двух особей совершенно однородных, никогда дети не походят совершенно на родителей, братья и сестры друг на друга, даже близнецы²⁰, так что некоторые даже принимают ее за основной закон, подобный наследственности²¹, но это, как показал Дарвин, очевидно, заблуждение, потому что в таком случае пришлось бы признать, что могут быть действия без причины или с причиною сверхъестественной²². Но, как бы то ни было, факт изменчивости всеобщ и потому должен вызываться причинами или условиями столь же всеобщими. К сожалению, биологами не раскрыты еще эти причины с достаточной полнотою; ими подмечено только следующее.

Во-первых, изменчивость порождается скрещиваньем, причем оно действует двумя путями, производя непосредственно новые формы чрез слияние и смешение родительских признаков и усиливая вообще игру изменчивости. Скрещиванье облегчает реверсию, причину многочисленных изменений. *Во-вторых*, всякое изменение условий существования действует таким же образом, т. е., с одной стороны, ведет к непосредственным отклонениям чрез прямое приспособление, а с другой – вызывает неопределенную игру изменчивости и склонность к реверсии. *В-третьих*, изменения часто вызываются условиями существования, действовав-

¹³ См.: Ibid., II, 76–77.

¹⁴ См.: Pr. Lucas. De l'Heredité Naturelle etc., I, 196. В подтверждение Люка приводит один пример; но я знаю пример противоположный: девочку, в детстве имевшую сходство с матерью, с возрастом же, если и не ставшую похожей на отца, то воспроизведшей все типичные признаки отцовского племени.

¹⁵ См.: Дарвин. Происход. чело., I, 326.

¹⁶ См.: Ib., I, 328, но оснований подобному мнению Дарвин не приводит, а из Дальнейшего изложения оказывается, что исключений первое правило имеет, пожалуй, и более.

¹⁷ См.: Ib., II, 232, 246.

¹⁸ См.: Ib., II, 177.

¹⁹ См.: Дарвин. Прир. жив., II, 97–101.

²⁰ См.: Люка. De l'Her. Nat., I, 97–190.

²¹ См.: Ibid., I, 192, 97 v. особенно 190 и предшествующие.

²² Как и поступает Люка, предполагая особую силу, force или loi d'invention.

шими в продолжение ряда поколений на предков, но не проявлявших на них своего видимого влияния²³. Этого случая не должно смешивать с реверсией, которая есть воспроизведение, а не произведение признаков. Вообще, в конечном счете, все можно свести на условия существования, действующие и действовавшие на весь длинный ряд предков, и на скрещивание как на фактор, различным образом сочетающий и комбинирующий накопленные, хотя часто не развитые влияния условий²⁴. Это касательно причин, об образе же проявления изменчивости надо заметить следующее. *Во-первых*, всякое начавшееся отклонение имеет наклонность продолжать изменяться в том же направлении как в самой уклонившейся особи, так и в ее потомках. *Во-вторых*, особь или порода, раз каким-либо образом изменившаяся, приобретает неопределенную наклонность к изменчивости вообще. *В-третьих*, изменения могут происходить в половых элементах до спаривания, во время развития зародыша и, наконец, в особи уже индивидуализованной. *В-четвертых*, чем многочисленнее племя, тем более шансов изменчивости²⁵. *В-пятых*, наклонность к изменчивости наследственна, причем подобная наклонность отца, по видимому, наследуется сильнее, чем изменчивость матери²⁶. Таковы в общих чертах те два биологических фактора, которые своим взаимодействием под влиянием борьбы за существование, человеческой воли, избирательного полового сродства или непосредственных условий жизни производят органический прогресс посредством ли подбора или чрез прямое приспособление. Нам надо уяснить себе, каковы должны быть последствия их комбинации под влиянием избирательного полового сродства? и какие последствия можно предвидеть от обособленного действия полового подбора или от взаимодействия с другими влияниями?

---

²³ См.: Дарвин. Прир. жив., II, 286; см. также у Герб. Спенсера: Основания биологии, I, ч. 2-я, §§ 87, 91.

²⁴ Так Спенсер и поступает, см.: *ibidem.*, I, ч. 2, §§ 91, 97.

²⁵ См.: Дарвин. Прир. жив., II, 269.

²⁶ См.: *ib.*, II, 290.

Глава VI

Дифференцирование полов в органическом прогрессе

Выше изложен в общих чертах ход полового подбора при действии простой формы наследственности; теперь посмотрим, какие последствия произойдут от тех осложнений в процессе наследственности, которые мы затем констатировали? В половом подборе, конечно, первоклассную важность имеет ограничение наследственности полом. Под влиянием этого-то закона²⁷, по Дарвину, половой подбор производит вторичные половые признаки. Посмотрим же на примере, действительно ли это так? и в каких случаях это может иметь место? Итак, возобновим вычисление и будем в него вводить мало-помалу различные осложнения; для начала же предположим, что действует только закон ограниченной полом наследственности, как он изложен у Дарвина в его "Происхождении человека и половом подборе". Мы имеем, положим, 40 000 особей установившегося вида или породы; по-прежнему численное отношение обоих полов одинаково, как 100: 100; по-прежнему половина самок раньше созревает и плодовита, т. е. приносит по два детеныша, а другая, малоплодная, приносит по одному; по-прежнему молодые достигают половой зрелости в один год и расстояние половых периодов тоже год; наконец, по-прежнему естественные условия держат вид в одном количестве, не допуская размножаться. После мы введем этот ограничивающий размножение естественный подбор в расчет и рассмотрим, как он отражается и как совершенно видоизменяет эффекты полового подбора, но пока мы для простоты задачи предположим, что борьба за существование действует безразлично на все особи, не препятствуя половому подбору. Затем, конечно, мы предположим, что измененные условия существования вызвали в виде игры изменчивости, которая выразилась, между прочим, тем, что известное количество особей приобрело особую окраску, понравившуюся самкам вида; так как мы рассматриваем действие наследственности, ограниченной полом, то нам полезно ввести гипотезу, что первоначально этот новый признак появился только у одного пола, положим, у самцов. Это отклонение проявилось отчасти в молодости и детстве, отчасти в зрелом возрасте, и для простоты задачи предположим, что этих отклонений произошло поровну, а всего уклонившихся 20 % общего количества приплода, так что выходит 3000 рано уклонившихся и 3000 приобретших отклонения в зрелом возрасте. Нижеследующая таблица показывает результат этого приплода.

---

²⁷ Этот закон я принимаю так: ранние отклонения наследуются обоими полами, поздние – только соответствующим. Сам Дарвин, высказав этот закон, оговаривается, что он не думает им исчерпать закон ограничения полом, но не приводит случаев, которые бы прямо противоречили этому закону. В своей гипотезе "пангенезиса" он отказывается объяснить ею ограничение наследственности полом, и действительно, в том виде, в каком он изложен в "Прир. жив.", он не объясним ни гипотезой пангенезиса, ни Спенсеровой гипотезой физиологических единиц. Принимая же связь между ограничением возрастом и ограничением полом, установленную Дарвином в "Происх. чел.", за связь генетическую и постоянную, ограничение наследственности полом найдет себе рациональное истолкование как в Дарвиновой, так и в Спенсеровой теориях. Если ввести в гипотезу Спенсера предположение, что полярность физиологических единиц, заставляющая их располагать органический материал по образцу родительской формы, соотносится не только с расположением образований родительских в пространстве, но и во времени, причем она в детском организме развивает известное образование *только* после развития образования, которое и в родительском организме предшествовало данному, если мы введем это предположение (а не ввести его нельзя), то придется прийти к заключению, что образования, которых развитие в родительской форме *началось* лишь *после зрелости* половых органов мужских или женских, могут и в детском организме развиваться только после зрелости тех или других органов, а так как особь противоположного пола этими предшествующими не обладает, то и развить последующее не может. В этом же роде можно дать объяснение и пангенетической теории.

	Породы особей	Старое поколение	Приплод	ДВсего	Выживет
Самцов	неуклонившихся	20 000	9 000	29 000	16 572
"	"	уклонившихся в зрелый возраст	3 000	3 000	1 714
		0	3 000	3 000	1 714
Самок	неуклонившихся плодовых	10 000	7 500	17 500	10 000
"	неуклонившихся малопродуктивных	10 000	7 500	17 500	10 000
	Итого	40 000	30 000	70 000	40 000

В последней вертикальной графе выставлено, сколько должно остаться особей разного рода к следующему половому периоду, когда борьба за существование опять приведет вид к его норме в 40 000 особей. Так как с приплодом оказалось 70 000, то выжить должны только 4/7 особей каждого сорта, сообразно с чем и сделан расчет в предположении, что естественный подбор вовсе не влияет на признак, подбираемый самками. Таков состав первого поколения, в котором появилось предположенное отклонение у самцов; вычислим теперь второе, третье и т. д. до десятого, тогда мы получим нижеследующие таблицы²⁸.

²⁸ Для желающих поверить помещаю вычисления еще двух поколений. *Второе поколение.* Плодовые самки успевают к спариванию раньше малопродуктивных и потому спарятся с самцами более привлекательными, так что все уклонившиеся самцы сойдутся с плодовитыми самками и будут иметь каждый по 2 детеныша, по одному сыну и одной дочери. Остальные 6572 плодовитые самки спарятся с неуклонившими самцами и принесут тоже по 2 детеныша, наполовину самок, наполовину самцов. Так как ранние уклонения наследуются детенышами обоего пола, а поздние только соответствующим полом, то от рано уклонившихся самцов будут и дочери, и сыновья с уклонениями, от изменившихся же в зрелом возрасте только сыновья разовьют отцовский признак, а дочери останутся неизменными, похожими на своих матерей. *Следовательно:* 1) от рано уклонившихся 1714 самцов, спарившихся с плодовитыми самками, родится приплода – 3428 особей обоего пола, все с уклонениями ранними, именно – 1714 самцов, а 1714 самок р[ано] укл[онившихся], 2) от поздно уклонившихся приплод будет такой же, только с тою разницею, что лишь 1714 самцов будут с уклонениями, а 1714 самок не изменятся; 3) остальной приплод будет весь неуклонившийся – самцы и самки, а всего 11 572 самца и столько же самок, но к числу самок надо прибавить 1714 от поздно уклонившихся, получим – 13 286 неуклонившихся самок. Принимая, что 4/7 всякой породы должны погибнуть, мы получим к следующему периоду размножения: самцов неуклонившихся – 16 082; самцов р[ано] укл[онившихся] – 1959, поздно уклонившихся – 1959; самок неукл[онившихся] – 19 021; самок р[ано] укл[онившихся] – 979. Таков состав второго поколения; вычисление третьего поколения немного сложнее. *Третье поколение.* Его состав обусловится следующим образом. I. Самки, рано уклонившиеся, будут рождены: 1) от всех плодовитых рано уклонившихся, на каждую по одной – 489,5; 2) от самок р[ано] укл[онившихся] малопродуктивных – 244,75; 3) от плодовитых неукл[онившихся], спарившихся с самцами р[ано] укл[онившимися]; всех плодовитых неуклонившихся самок – 9510,5, самцов же р[ано] укл[онившихся] – 1959, причем часть их должна спариться с плодовитыми р[ано] укл[онившимися] по следующему расчету: обозначив чрез x – число спарившихся с р[ано] укл[онившимися] самками, чрез y – с неукл[онившимися], мы будем иметь два уравнения: $x + y = 1959$ Разрешая их, мы получим для искомого $y = 1863$, а приплод будет вдвое больше, на половину самок и самцов, т. е. р[ано] укл[онившихся] самок по этому разряду будем иметь именно 1863, а всего = 2587,25, прежних – 979, а множая на 4/7 = 2037,86, что и составит контингент самок р[ано] укл[онившихся] в третьем поколении к периоду размножения. – II. Самцов р[ано] укл[онившихся] родится столько же, сколько и самок, т. е. 2587,25, да прежних – 1959, всего – 4546,25, а сохранится = 2597,86. – III. Самцов п[оздно] укл[онившихся] от самок плодовитых неукл[онившихся] и самцов поздно уклонившихся, по расчету, который выше приведен для самок р[ано] укл[онившихся] от самок неукл[онившихся] и самцов р[ано] укл[онившихся], так как цифры остаются те же, т. е. 1863, прежних – 1959, всего 3822, сохранится – 2154. – IV. Самцов неукл[онившихся] родится: 1) от плодовитых самок н[е]у[клонившихся] и самцов н[е]у[клонившихся], так как на долю самцов уклонившихся отходит этих самок – 3726, то остается – 5784,5, столько же будет и приплоду мужского пола; и 2) от малопродуктивных неуклонившихся половина всего приплода – 4755,25, всего 10 549,75, старого поколения – 16 082, итого – 26 631,75, а сохранится = 15 218,14. – V. Самок неуклонившихся будем иметь: 1) столько, сколько самцов н[е]у[клонившихся], т. е. 10 549,75, и 2) столько, сколько самцов п[оздно] укл[онившихся] = 1863, всего – 12 412,75, старого поколения – 19 021, итого = 31 433,75, сохранится = 17 692,14. Таков будет состав третьего поколения к периоду размножения. Вычисление следующих поколений совершенно аналогично, за исключением последних, когда число укл[онившихся] самцов начинает превышать число плодовитых самок, но и тут все разрешается введением новой пары уравнений 1-й степени.

Таблица приплода 10-ти поколений

Породы	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Самцы неукл[онившиеся]	9000	11572	10549,75	9165,5	7426,5	5358,02	3178,69	1882,63	987,89	463,09
" р[ано] укл[онившиеся]	3000	1714	2587,25	3866,15	5600,93	7795,6	10262,87	12086,84	13423,74	14244,63
" п[оздно] укл[онившиеся]	3000	1714	1863	1968,48	1972,57	1846,38	1560,44	1030,53	588,47	292,28
Самки неукл[онившиеся]	15000	13286	12412,75	11133,85	9399,07	7204,4	4737,13	2913,16	1576,36	755,37
" р[ано] укл[онившиеся]	0	1714	2587,25	3866,15	5600,93	7795,6	10262,87	12086,84	13423,64	14244,63
Итого	30000	30000	30000	30000	30000	30000	30000	30000	30000	30000

Таблица состава 10-ти поколений к периоду размножения

Породы	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Самцы неукл[онившиеся]	16572	16082	15218,14	13933,44	12205,68	10036,4	7550,34	5390,27	3641,66	2347,3
" р[ано] укл[онившиеся]	1714	1959	2597,86	3693,72	5311,23	7489,62	10144,28	12703,49	14927,77	16671,09
" п[оздно] укл[онившиеся]	1714	1959	2184	2372,84	2483,09	2473,98	2305,38	1906,24	1425,54	981,61
Самки неукл[онившиеся]	20000	19027	17962,14	16626,28	14871,63	12614,87	9915,43	7330,62	5089,7	3340,04
" р[ано] укл[онившиеся]	0	979	2037,86	3378,72	5128,37	7385,13	10084,57	12669,38	14910,3	16659,96
Итого	40000	40000	40000	40000	40000	40000	40000	40000	40000	40000

Выводы ясны; таблицы красноречивы сами по себе и многих комментариев не требуют. Очевидно, что рано или поздно процесс полового подбора должен вытеснить не только неуклонившиеся формы, не привлекательные для самок, но и поздно уклонившиеся, равно привлекательные, как и ранние уклонения. Такой результат происходит от двух причин: 1) *от абсолютной неравночисленности* размножающих уклонение особей, происходящей вследствие нашего молчаливого допущения, что *только потомки мужеского пола поздно уклонившихся особей передают этот признак своим детям*. Насколько мы имели право сделать подобное предположение и в каких пределах оно согласно с действительностью, мы разберем немного позже. 2) Вторая причина большей быстроты размножения рано уклонившихся особей заключается в том, тоже молчаливо допущенном условии, что в то время как потомки рано уклонившихся особей все наследуют родительский признак, *между потомками поздно уклонившихся часть, происшедшая от спариванья с рано уклонившимися самками, увеличивают собою ряды не отцовской, а материнской породы*. Основания для этих допущений мы сейчас рассмотрим, но если они правильны, то становятся вполне понятны результаты наших вычислений, что станет еще нагляднее из нижеследующих таблиц плодовитости и приращения разных пород. Общее число рождений в нашем гипотетическом виде 30.000 особей при численности всего вида в 40.000, так что на 100 особей всех пород рождается приплода 75 детенышей всех пород. Таков % рождаемости нашего вида вообще, а вот таблица рождаемости каждой породы, вычисленная для каждого поколения.

На 100 взрослых особей каждой породы рождается:

I.	рано уклонившихся	поздно уклонившихся	неуклонившихся
II.	200,00	100,00	67,97
III.	176,0823	95,0995	65,4
IV.	166,798	90,132	61,1785
V.	160,142	83,131	55,098
VI.	149,347	74,35	46,394
VII.	137,856	63,074	34,938
VIII.	119,328	44,701	27,457
IX.	105,811	30,872	20,153
X.	95,4375	20,5031	13,836

Уже с первого шага очевидно, что борьба двух подбираемых форм неравная; во втором поколении рождаемость одной вдвое превышает рождаемость второй, в третьем и четвертом немного менее, чем вдвое, в пятом почти вдвое, а начиная с VI неравенство все возрастает, достигая наконец в X своего maximum'a, именно без малого в пять раз. Вот *сравнительная* рождаемость, вычисленная сообразно предыдущей таблице:

На 100 особей рано уклонившихся рождается:

	поздно уклонившихся	неуклонившихся		поздно уклонившихся	неуклонившихся
I.	-	-	VI.	49,783	31,065
II.	50,000	33,985	VII.	47,189	25,488
III.	54,582	36,578	VIII.	37,554	23,014
IV.	54,039	36,578	IX.	29,188	19,052
V.	51,132	34,381	X.	21,474	14,492

Если же возьмем в расчет, что вдобавок существует и абсолютное неравенство размножающих то и другое уклонение особей, то легко поймем быстроту процесса вытеснения одной формы и преобладания другой, хотя обе формы были первоначально равночисленны и равно нравятся и подбираются самками.

Теперь нам надо припомнить те осложняющие влияния некоторых законов изменчивости и наследственности, которыми мы в начале пренебрегли, и рассмотреть, не видоизменяют ли они действие закона ограниченной полом наследственности в том упрощенном виде, в котором мы прилагали ее к нашей гипотезе. Переберем все возражения, которые, с этой точки зрения, можно сделать против гипотезы, а следовательно, и против доказательности вычисления. Прежде всего, могут сказать, вы предполагаете в самом начале невозможное, что игра изменчивости вызвала у одних лишь самцов такой значительный % однородных уклонений, как 6 000 из 15 000 родившихся самцов. Конечно, *такой %* уклонений в действительности невероятен, но уклонение 2-х, 3-х или даже десятка самцов без одновременного уклонения самок весьма возможно, так как самцы вообще значительно изменчивее. Если же это возможно, то, сохраняя остальные условия, результат вычисления останется тот же; только нам для наглядности пришлось бы вычислить не 10, а, быть может, 110 поколений, потому что поздно уклонивши-

еся продолжали бы размножаться гораздо дольше. С другой стороны, предположение появления уклонений не только у самцов, но и у самок тоже не изменило бы конечного результата вычисления. Поздно уклонившиеся самки вовсе не повлияли бы на него, передавая свои уклонения только самкам и, не будучи подбираемы, вероятно, скоро исчезли бы; рано же уклонившиеся самки только ускорили бы процесс. Следовательно, незаконное преувеличение вероятного числа уклонения самцов от нормального типа оказывается вовсе не таким незаконным, потому что только ускоряет ход процесса, а так как мы наблюдаем только качественную, а не количественную сторону процесса, то такое предположение оказывается вполне целесообразным. Могут еще возразить, что гипотеза равного числа уклонений в раннем и зрелом возрасте тоже не совсем вероятна; с этим нельзя не согласиться отчасти. Изменчивость, действительно, по-видимому, вызывает большее число уклонений в раннем возрасте, чем в зрелые годы. Это можно заключить *a priori*, сообразив вероятное действие причин изменчивости. Соотносительная изменчивость только следует за другими изменениями и, таким образом, для вопроса значения не имеет. Упражнение и неупражнение частей и органов, вероятно, произведет большее действие в зрелом возрасте. Прямое и определенное действие условий, вызывающее приспособительные процессы, действует равно на взрослых и малолетних, но последние необходимо менее устойчивы, и потому едва ли не наибольшее число уклонений вызовет этот деятель в молодых особях²⁹. Реверсия, одна из причин изменчивости, обыкновенно проявляясь при рождении, значительно реже развивается в более позднем возрасте; неопределенная игра изменчивости, вызываемая изменением условий существования или скрещиваньем, действует тремя путями, которым Дарвин придает, по-видимому, одинаковое значение: изменения, претерпеваемые половыми элементами до оплодотворения, изменения зародыша в период утробной жизни, изменения особи уже индивидуализировавшейся – вот эти три разряда уклонений. Первые два, очевидно, произведут уклонения, проявляющиеся уже при рождении, третий же, по причинам, вышеприведенным для определенного действия условий, вероятно, будет деятельнее в молодости, чем в более зрелые годы. Таким образом, едва ли вероятно, чтобы порождалось одинаковое число изменений ранних и поздних; если бы мы предположили, что весь приплод доживет до зрелости, то очень невероятно, чтобы после этого появилось такое же число уклонений, как при рождении и в молодости, а так как мы предполагаем, что естественный подбор безразлично относится к нашему признаку, то тоже нет никакого основания предполагать, чтобы особей с уклонениями ранними погибло бы больше, чем особей, носящих в себе наклонность развить уклонение в зрелом возрасте. Если же это так, то несомненно, что принятое нами условие равного числа ранних и поздних уклонений неверно, но как должна отразиться наша поправка на ходе и характере процесса? Ясно, что она ускорила бы его, не изменяя его характера.

Далее, невероятно, чтобы изменчивость ограничилась только одним поколением, а затем уже предоставила наследственности и половому подбору распределять, стирать или распространять порожденные ею признаки. Раз вызванная к действию, она произведет, конечно, уклонения и во II, III и т. д. поколениях, причем, с одной стороны, она будет в потомках неуклонившихся особей развивать подбираемый признак, с другой – лишать его потомков особей уклонившихся; из этих двух тенденций первая, вероятно, возьмет верх, потому что раз начавшаяся изменчивость имеет наклонность скорее развиваться в ту же сторону, чем в противоположную. Так как, конечно, нет никакого основания предполагать, чтобы в следующих поколениях уклонения распределялись по возрастам иначе, чем в первом (средним счетом они должны распределяться одинаково), то продолженное действие изменчивости будет только мультиплицировать эффекты наследственности и подбора; процесс только

²⁹ Дарвин, между прочим, на стр. 427 II тома "Прир. жив." говорит о раннем возрасте организма, что в это время "он всего более способен изменяться".

ускорится и облегчится, не изменяя ни направления, ни конечного результата. Но склонность раз начавшейся изменчивости развиваться в том же направлении должна выразиться еще в усилении у потомков уклонившихся особей родительского признака; здесь надо принять во внимание два закона. *Во-первых*, изменчивость проявляется сильнее в более многочисленных породах, вследствие чего надо предполагать, что рано уклонившиеся индивиды произведут большее число усиленных уклонений, которые, вероятно, установят градицию привлекательности между самими уклонившимися особями. *Во-вторых*, несколько ослабляет значение этого соображения закон наследственной изменчивости: отцовская изменчивость наследуется сильнее материнской, так что рано уклонившиеся особи произведут потомков с усиленными уклонениями, хотя и больше, нежели поздно уклонившиеся, но непропорционально своему численному превосходству. *Во всяком случае*, осложнения процесса, порожденные установлением степеней привлекательности, не отразятся на процессе подбора изменением его окончательного результата и даже, по-видимому, будут благоприятны ранним уклонениям и, таким образом, ускорят процесс. Итак, рассмотрев те нарушения законов изменчивости, которые допущены были в нашей гипотезе, мы видим, что введение этих условий только значительно осложнило бы вычисление, не изменив ни конечного результата, ни характера процесса: одни условия отдаляют, другие приближают разрешение, исход борьбы разных пород. Переходим к рассмотрению нарушений законов наследственности.

Самым крупным возражением с этой стороны против доказательной силы вышеприведенных таблиц, несомненно, является закон *передачи* признаков без *ихразвития*, так что потомки женского пола поздно уклонившихся особей могут *передавать* своим сыновьям признаки своих отцов, их дедов. Это несомненно; но весьма важно знать, передаются ли они с *такою же* силою, как в случае, когда эти признаки не только передаются, но и *развиваются матерью*. Этого не должно быть, и вот на каких основаниях. Развитие известных признаков у внуков, когда у дочери их не было, принадлежит, конечно, к разряду случаев реверсивных. Это уже сразу должно указать ее меньшую силу, сравнительно с прямым унаследованием. Дарвин говорит³⁰: "Обстоятельства, вредящие наследственности, насколько мы их знаем до сих пор, суть ... скрещиванье различных разновидностей в каком-либо из предыдущих поколений вместе с реверсией, или атавизмом, т. е. стремлением потомков походить на своих *дедов* или даже более отдаленных предков, вместо непосредственных родителей". Тут Дарвин рассматривает реверсию только как фактор, колеблющий наследственность. Еще яснее он выражается когда пишет³¹: "В общем итоге можно сказать, что *наследственность – правило, изменчивость – исключение*. В некоторых случаях известный признак не наследуется потому, что окружающие условия прямо противятся его появлению; в других случаях потому, что эти условия постоянно вызывают новые уклонения... В остальных случаях *это отступление может быть приписано возвращению к дедовскому или еще более отдаленному типу*". Итак, передача дедовского признака, не развитого самою особью, есть только отступление от общего правила; унаследование же признаков непосредственных родителей и есть это общее правило. Кроме того, реверсия бывает 2 родов: а именно, реверсия, появляющаяся у разновидностей или племен, которые не были скрещены и утратили, вследствие вариации, какой-либо признак, которым обладали прежде и который вновь появляется впоследствии. Второй отдел включает в себе все те случаи, в которых "*известная особь, разновидность, племя или вид были скрещены в какой-либо прежний период с отличною формою, и признак, заимствованный от этого скрещивания и исчезнувший в течение одного или нескольких поколений, вдруг появляется вновь*"³². Оче-

³⁰ Прир. жив., II, 28.

³¹ Ib., II, 404.

³² Ibidem., II, 30.

видно, наш случай относится ко второму отделу, про который далее Дарвин говорит³³, что невозможно указать, чрез сколько поколений стремление к реверсии исчезает, но прибавляет, что это рассуждение не должно применять к первому отделу, когда реверсия может проявиться чрез неопределенно долгое время. Ясно, значит, что если и вообще реверсия только фактор частный, исключение из общего правила унаследования родительских признаков, то второй отдел ее как проявляющийся слабее во времени должен рассматриваться как еще более исключительный. То обстоятельство, что этого рода реверсия невозможна после определенного ряда поколений, доказывает, что наследственность от одного родителя имеет склонность ослабевать с каждым поколением, пока, так сказать, не выветрится совершенно; значит, она должна отчасти ослабеть уже во втором поколении. Из этих соображений следует, что поздние уклонения самцов, не наследующиеся самками, хотя и должны передаваться ими своим сыновьям, но непременно слабее, чем ранние уклонения, которые в самках не только передаются, но и развиваются. Но если это справедливо, т. е. если сила передачи потомков женского пола, происшедших от поздно уклонившихся самцов, слабее силы, с которою самки передают уклонения, унаследованные ими от рано уклонившихся самцов, то окончательный исход процесса будет тот же, как если бы дочери поздно уклонившихся вовсе не передавали бы своим сыновьям признаков своих отцов. В самом деле, мы знаем, что преобладание ранних уклонений в нашем вычислении зависит: 1) от того, что с кем бы ни спарились рано уклонившиеся самки, они произведут потомство рано уклонившееся, даже от самцов поздно уклонившихся, хотя, быть может, в этом случае данный признак будет ярче у детенышей мужского пола; и 2) от того, что вообще число особей, передающих ранние уклонения, уже со второго поколения больше числа особей, размножающих поздние уклонения. Изменятся ли эти два условия от введения нового соображения? Первое, конечно, не изменится, второе же претерпит изменение только частное, но не будет совершенно парализовано, потому что только часть дочерей поздно уклонившихся воспроизведет в своих сыновьях отцовский признак, а с другой стороны, часть этих дочерей спарится с самцами рано уклонившимися и произведет потомков обоего пола рано уклонившихся. Это ведет нас к убеждению, что даже если бы все дочери поздно уклонившихся передавали сыновьям данный признак, то и тогда исход борьбы в пользу ранних уклонений был бы неизбежен; *во-первых*, потому, что ранние уклонения многочисленнее поздних, *во-вторых*, даже при гипотезе равного числа уклонений *все особи* рано уклонившиеся, и мужского, и женского пола, оставят потомство *обоего пола* рано уклонившееся, тогда как *часть* особей, передающих поздние уклонения, произведет потомство обоего пола уклонившееся, хотя, вероятно, не в равной степени. Таким образом, даже при самых невозможно благоприятных условиях, при предположении равночисленности ранних и поздних уклонений, при предположении равенства силы передачи без унаследования и силы непосредственной наследственности, все же оказывается, что раз начавшееся уклонение, подвергаясь действию полового подбора, неизбежно распространяется на оба пола и пренебреженный нами закон передачи признака через дочерей внукам только замедляет процесс, не влияя на его исход.

Мы должны теперь ввести в нашу гипотезу еще два закона наследственности, нами пренебреженные для упрощения задачи. *Первый закон*: признак, которым обладают оба родителя, передается постоянное и притом стремится усилиться в потомстве. То, что он передается постоянное, важно, ибо доказывает, что унаследование ранних уклонений потомством тех пар, где и отец, и мать уклонившиеся, прочнее унаследования поздних уклонений. Но еще важнее усиленное развитие признака, потому что это устанавливает в среде уклонившихся степени привлекательности; мы видели, что подобная градация вызывается самою изменчивостью и что есть Основание предполагать, что она будет благоприятна ранним уклонениям. Вводимый теперь нами закон наследственности делает это несомненным. Вследствие этого половой под-

³³ См.: Ibid., 11, 38.

бор, который мы предположили равно благоприятным для ранних и поздних уклонений, вмешается в процесс борьбы двух форм наследственности и склонит победу на сторону ассимиляции обоих полов против их дифференцирования. Относительно вопроса, не будет ли спаривание поздно уклонившихся с дочерьми поздно уклонившихся производить такие же последствия? – ответ будет несомненно аналогичный вышесделанному: да, последствия будут такие же, но в меньшей степени как по качеству, так и по количеству.

Второй, опущенный нами закон наследственности – стремление признака развиваться в потомках несколько раньше, чем в родителях и предках. Это, конечно, значительно облегчило бы процесс ассимиляции, если бы не мешала тому трудность перехода (а не вытеснения – это надо различать) одной формы наследственности в другую. Но так как возможность такого перехода отрицать нельзя, то мы можем с некоторой вероятностью заключить, что, сочетаясь с другими вышепоименованными факторами, этот закон может содействовать ускорению процесса, который произошел бы и без него. Итак, все рассуждения ведут нас к тому, что наше вычисление соответствует вообще характеру процесса, который совершился бы при взаимодействии всех условий, нами опущенных и измененных. Восстановление одних из них замедляет, введение других ускоряет ход процесса, но ни один из опущенных деятелей не изменяет исхода процесса, так что мы приходим к тому конечному выводу, что половой подбор, предоставленный самому себе, вообще стремится изменить всю породу без различия пола и даже, пожалуй, ведет скорее к ассимиляции, чем к дифференцированию полов.

Дарвин держится, по-видимому, другого воззрения³⁴: "Возьмем пару животных, не особенно плодовитых, не особенно бесплодных, и предположим, что они живут средним числом 5 лет, по достижении половой зрелости, производя ежегодно по 5 детенышей. Они произведут, таким образом, потомство в 25 штук; и я полагаю, что немного удалюсь от истины, если сделаю предположение, что из 25 неделимых погибнет 18 или 20 штук, не достигнув зрелости, в период юности и неопытности; остающихся же 7 или 5 неделимых будет достаточно для поддержания колена зрелых особей. При таком предположении легко видеть, что изменения, случившиеся в юности, напр. в отношении красоты и не приносящие молодому животному никакой выгоды, будут иметь шансы быть утраченными впоследствии. Наоборот, подобные же изменения, появившиеся во время или около зрелости на сравнительно меньшем числе неделимых, доживших до этого возраста, которые непосредственно приносят пользу самцам, делаю их более привлекательными для самок, легко сохраняются". Ошибочность этого рассуждения, после всего вышеизложенного, очевидна. *Во-первых*, если не принять во внимание естественного подбора (которого Дарвин в этом месте не берет в расчет), то нет оснований предполагать, что расположенных к изменчивости в зрелости выживет больше, чем изменившихся в юности, а между тем Дарвин это подразумевает, и, *во-вторых*, что касается полезности украшений зрелым самцам и бесполезности молодым, то едва ли по этому поводу можно говорить о влиянии неупражнения, вследствие чего они, дескать, могут их и потерять, потому что ведь и взрослые, хотя и пленяют ими самок, однако трудно это пленение назвать упражнением. Относительно вооружения с этим еще можно бы было согласиться, если бы молодежь не упражняла их в играх. Во всяком случае, впрочем, эта небольшая разница, если и существует, покрывается с лихвою большим количеством ранних уклонений, и мы, быть может, должны прибавить одну причину к списку деятелей, замедляющих неизбежный исход полового подбора, когда он предоставлен самому себе. Сам Дарвин отказался, по-видимому, от вышеприведенного аргумента³⁵, но все же в продолжении всего сочинения поддерживает мнение, что именно половой подбор производит вторичные половые признаки, и постоянно оспаривает мнение Уоллеса о естественном подборе как причине дифференцирования полов. Это нас

³⁴ Происхождение человека и половой подбор, I, 340.

³⁵ См.: *Ib.*, II, стр. 1.

ведет к рассмотрению вопроса о влиянии естественного подбора на половой подбор, вопроса, выше нами отложенного для простоты задачи. Дарвин высказывает следующий взгляд на значение естественного подбора как начала, осложняющего эффекты полового подбора: "Многие из признаков, свойственных взрослому самцу, были бы положительно вредны молодым, так как яркая окраска делала бы их более видными для глаз неприятеля, большие рога требовали бы большего расхода сил"³⁶. Вследствие этого естественный подбор имеет общую тенденцию уничтожать особей, приобретающих в раннем возрасте какие-либо особые украшения или вооружения, потому что если вооружения и полезны взрослой особи не только в соперничестве из-за самок, но и в борьбе за существование, то для молодых особей они не могут принести пользы в борьбе за существование по их слабости, а между тем закон экономии роста дает преимущество особям, не имеющим их. Таким образом, часто естественный подбор действует вовсе не безразлично на признаки, подверженные половому подбору; благодаря его влиянию, поздние уклонения получают громадное преимущество, особенно у пород, истребляемых многочисленным неприятелем. Но этим истреблением в молодости рано уклонившихся особей не ограничивается естественный подбор; он часто и в зрелом возрасте преследует уклонения, подбираемые самками. Правда, относительно самцов здесь равно гибнут оба разряда особей, с поздними и ранними уклонениями, и эта гибель равно вознаграждается половым подбором, но относительно самок этого сказать нельзя: 1) потому, что передающие поздние уклонения самки остаются сами без уклонений и не преследуются естественным подбором и 2) потому, что гибель самок не вознаграждается их подбором. Большая слабость самки, критические периоды вынашивания и выкармливания детенышей составляют новый ряд фактов, способствующих устранению всяких невыгодных для жизни уклонений у самок. Этим путем совершенно видоизменяется характер и исход процесса полового подбора, и получается в результате дифференцирование полов, вторичные половые признаки. Ни естественный подбор сам по себе, ни половой подбор независимо от естественного не произвели бы этого дифференцирования, но их сложное действие часто приводит к этому неизбежным путем, именно: во всех случаях, когда признак, распространяемый половым подбором, устраняется естественным подбором. Тот же результат должен произойти, если бы признак, распространяемый половым подбором, искоренялся прямым действием условий жизни.

Влияние прямого действия условий жизни на ход и исход полового подбора тем важно, что оно может произвести дифференцирование полов не только противодействуя, но и содействуя половому подбору, именно: когда чрез упражнение, вынужденное новыми условиями жизни, какая-нибудь часть организма получает большее развитие, и эта гиперестезия понравится самкам. Может случиться, что особые условия жизни самцов произведут и другие изменения самцов только в зрелом возрасте, а половой подбор распространит их.

Итак, резюмируя наше предварительное рассуждение о половом подборе вообще, мы можем сказать: половой подбор зависит от взаимодействия законов изменчивости, наследственности и полового инстинкта, управляемого эстетическим вкусом, при условии неравночисленности полов, абсолютной или только условной, как при полигамии или неединовременном созревании самок. Последнее условие есть условие только отрицательное, и та или другая форма его не влияет на процесс, но присутствие которой-либо из них необходимо; иначе половой подбор не может начать своего действия. Вообще половой подбор имеет склонность изменять всю породу без различия пола; предоставленный самому себе, он не ведет к дифференцированию полов. Этот результат получается, когда он сталкивается в своем развитии с естественным подбором или прямым влиянием условий; в том и другом случае чрез устранение ранних уклонений, а также женских уклонений получает преобладание наследственность, ограниченная полом. К тому же результату может привести и согласное действие условий и

³⁶ Ib., I, 134.

полового подбора, именно: когда условия влияют только на один пол и в зрелом возрасте. Впрочем, в этом последнем случае, дифференцирование только ускоряется половым подбором, а производится прямым, определенным действием условий.

Глава VII

Половой подбор в браке

Изложив, таким образом, в общих чертах способ действия полового подбора и его последствия в органическом прогрессе, посмотрим, насколько он может быть почитаем фактором, действующим и в общественной жизни, деятелем и социального прогресса. Прежде всего мы знаем, что он не представляет простого деятеля, порождаемого каким-либо *одним* биологическим законом, а является сложным, иногда запутанным результатом сложного и запутанного действия нескольких биологических законов под давлением особых условий и сил. Сами законы наследственности и изменчивости, конечно, действуют и в социальной жизни, но вопрос не в их компетентности, а в осуществимости того их сочетания, которое называется половым подбором. Сочетание это происходит под влиянием стимула, управляющего спариванием особей и под условием неравночисленности спаривающихся, абсолютной или относительной. Эти-то два условия полового подбора изменяют свой характер с возникновением общественной организации.

Абсолютной неравночисленности полов, настолько значительной, чтобы она могла проявить свое влияние на способ спаривания, мы вправе ожидать только у некоторых дикарей, где существует обычай убивать новорожденных девочек или же где кровопролитные войны истребляют мужчин; относительная неравночисленность встречается повсюду, где распространена полигамия; таким образом, оба эти условия встречаются только на низших ступенях цивилизации. Что же касается неравноновременного созревания здоровых и плодовитых и слабых неплодородных женщин, то это не может быть применимо к человеку, потому что у женщин, как известно, нет особых в году половых периодов, к которым одни могли бы подготовиться раньше, другие позже. Брать во внимание то обстоятельство, что здоровые девушки вообще достигают, вероятно, раньше других половой зрелости, нельзя уже потому, что зрелость мужчин наступает позже, чем у женщин. Следовательно, руководствуясь теми условиями полового подбора, которые нами выше определены, мы должны заключить, что рамки действия полового подбора в обществе весьма ограничены, но прежде, чем принять окончательно этот вывод, мы должны рассмотреть, не может ли неравночисленность полов быть заменена особым способом спаривания и социальные условия, относящиеся к сближению полов, не могут ли играть роль этого естественного условия? Для этого мы рассмотрим по отношению к нашему вопросу различные способы спаривания, господствующие в человеческих обществах. Первобытный способ спаривания человека мало чем отличался от способа спаривания низших животных и до вмешательства в межполовые отношения государства и религии прошел несколько ступеней развития, известных этнологам под именем коммунального брака, полиандрии, полигамии умычкой (увода). Когда, наконец, государство большею частью под влиянием религии начало регулировать межполовые отношения, то этим создались две, с общественной точки зрения, различные формы спаривания: законная, или брак, и незаконная. Дальнейшее развитие начало различать различные незаконные формы – конкубинат, или незаконное сожительство, прелюбодеяние, или тайная незаконная связь, и проституция, связь развратная. Законная форма тоже весьма сильно разнообразится, смотря по народам, эпохам и степеням цивилизации. Поочередно мы разберем значение каждой формы для полового подбора; мы должны определить, чем обусловливается каждый из этих способов спаривания и как отражается он на составе следующего поколения?

Брак — общепризнанная и самая распространенная форма спаривания. Насколько эта форма спаривания преобладает над остальными, можно судить по следующему вычислению, сделанному для России по "Военно-статистическому сборнику". В европейской России с 1820

по 1860 год общее число браков равнялось 17 934 580, так что средним числом ежегодно их совершалось за этот период 448 364. С другой стороны, с 1804 по 1844 родилось всего детей обоего пола 67 973 801; по "Воен. – стат. сб." из каждой 1 000 родившихся дожило до 15 лет 548, до 20 – 529, поэтому мы не сделаем ошибки, если для 16 лет возьмем 544. В таком случае за весь период 1820 – [18]60 гг. достигло 16-тилетнего возраста всего 36 976 747 лиц обоего пола, а ежегодно средним числом = 924 418. При отношении женщин к мужчинам как 102,5: 100 мы будем иметь для одних женщин цифру 467 916 ежегодно достигающих 16-ти лет. Такова ежегодная прибыль невест, а убыль их выходом замуж = 448 364, разность 19 552 показывает число девушек, достигших зрелости, ежегодно не находящих себе женихов. Предполагая между ними такую же смертность, как и в остальном женском населении, мы получим для рассматриваемого сорокалетнего периода среднюю цифру девушек чадородного возраста, не нашедших себе законной пары = 435 523. К этому надо прибавить число молодых вдов, и тогда мы будем иметь число женщин, по необходимости выходящих на путь незаконных половых отношений. Уже видна ничтожность влияния незаконных форм спаривания на состав поколений в России; число незаконнорожденных в России = 3,56 % общего числа рождений. Для западноевропейских государств у г. Янсона³⁷ находим данные об относительной численности не вступивших в брак девушек. Всех таких девушек, старше 20-тилетнего возраста, числится (в процентах в общей численности):

Швейцария	21,5%	Австрия (Цисл.)	16,1%
Португалия	21,0%	Дания	16,1%
Бельгия	20,50%	Франция	13,9%
Швеция	18,4%	Италия	13,8%
Голландия	18,0%	Испания	13,5%
Англия	16,7%	Греция	5,7%
Норвегия	16,6%	Венгрия	3,0%
Германия	16,2%		

Имея в виду, что в Западной Европе сравнительно незначительный процент девушек вступает в брак раньше 20-ти лет, мы должны будем согласиться, что все эти данные достаточно ясно показывают первенствующее значение в социальной жизни законной формы спаривания; очевидно, именно ее последствия будут, главным образом, определять состав будущих поколений. Поэтому-то нам необходимо подольше и повнимательнее остановиться на уяснении себе способа действия этой формы.

Разнообразие форм брака в различных обществах и на различных ступенях исторического развития одного и того же общества особенно усложняет изучение биологического значения этого института. Первобытную формою брака более или менее единодушно все лучшие этнологи и антропологи (Тайлор, Леббок, Мак-Леннан и др.) признают так называемый *коммунальный брак*, когда, собственно говоря, никакого брачного установления не было и половые отношения обуславливались влечением и силой. Очевидно, на этой ступени еще не может быть и речи о влиянии социальных деятелей, потому что, если и были зачатки общества, это общество еще не вмешивалось в половые отношения мужчин и женщин и даже не влияло на них своим нравственным авторитетом. Здесь остались еще в полной силе и действии, почти без всякого ограничения или усложнения социальными влияниями деятели органические, и, конечно, половой подбор мог иметь место при благоприятных условиях, т. е. при неравночисленности полов. Неравночисленность полов также весьма вероятна, если принять во внимание довольно распространенный в эту пору обычай детоубийства, преимущественно девочек. Этот обычай, являясь содействователем органического прогресса, вместе с тем вызвал

³⁷ Сравнительная статистика, I, 93–98.

изменение форм брака. Истребление девочек в среде племени должно было произвести оскудение женщин и оставить, быть может, многих мужчин без возможности спариться. Такое положение в различных племенах вызвало различные последствия: одни обратились к полиандрии, которая у них сменила, таким образом, коммунальную форму; другие стали похищать женщин из других племен. Похищенная и уведенная силою, конечно, принадлежала уже исключительно похитившему, а не целому племени; такое преимущество брака с чужеземкой должно было распространить обычай похищения, причем каждый, натурально, старался увести столько женщин, сколько мог похитить и прокормить. Таким образом, в этих племенах параллельно, и друг друга обуславливая, развились полигамия и обычай экзогамии (экзогамия – брак с иноплеменницею); эта форма брака, господствующая ныне у низших племен и некогда преобладавшая и у арийцев, объясняется необходимостью похищения, брака уводом или умычкой, вызванного оскудением женщин племени, а с другой стороны, их относительною самостоятельностью, столь противоположною полному подчинению иноплеменниц. Этим-то способом из одного источника, коммунального брака, развились две совершенно противоположные формы: *полиандрия*, сопровождаемая обыкновенно *эндогамией* (брак с соплеменницею) и *полигамия*, сопровождаемая обыкновенно *экзогамией*. Трудно даже приблизительно сообразить, какой % первобытных племен пошел тою, а какой – иною дорогою; но достоверно только то, что в племенной борьбе за существование решительный верх взяли племена, пошедшие второю дорогою, принявшие брак уводом со всеми его последствиями. Есть много доказательств тому, что прежде полиандрия вовсе не была такою редкостью, как ныне, и что потому мы не имеем права утверждать, что обращение коммунальной формы в полиандрическую было только частным исключением, а общим правилом являлся переход к экзогамичной полигамии, к браку умычкой. Такой авторитет, как Мак-Леннан, предполагал даже, что полиандрия была общим правилом, но Дж. Леббок опровергнул это мнение. Однако чем же объяснить такую повсеместную победу полигамичных племен над полиандричными? Мне кажется, это было делом органического прогресса, но уже обусловленного социальными деятелями. Половой подбор так же, как и естественный, способствовал этому. При браке умычкой фактором, управляющим спариванием, являются сила, хитрость, энергия мужчины; чем мужчина сильнее, хитрее, деятельнее, ловче, тем большее количество женщин он будет в состоянии похитить и содержать и тем многочисленнейшее оставит потомство; таким образом, племена, принявшие полигамию уводом, должны были подбираться по силе, энергии и т. д. – качествам, столь же важным в борьбе за существование, как и в борьбе за женщину. Совершенно наоборот в эндогамичной полиандрии: здесь управляет спариваньем предпочтение женщины, решающим элементом является привлекательность мужчины, и какое бы она ни имела значение в соперничестве за женщину, она не дает никакого преобладания в борьбе за существование. Таким образом, различные социальные брачные обычаи повлияли так, что половой подбор в одном случае размножал силу и энергию, в другом – красоту; естественно, что при столкновении последние должны были потерпеть поражение, особенно если принять в расчет большую быстроту размножения при полигамии, чем при полиандрии. Таким-то путем половой подбор расчищает поле для действия естественного подбора, когда наступит момент борьбы различных обществ за существование. Неравенства качественные и количественные, порожденные различиями в форме спариванья, принятой в том или другом обществе, – вот что решает исход их борьбы. Но независимо от полового подбора эти неравенства создаются непосредственным влиянием биологических законов наследственности и скрещиванья; обычай эндогамии, повсюду сопровождавший полиандрию, вел к тесному скрещиванию, а тесное скрещивание одноплеменных особей при немногочисленности первобытных обществ должно было раньше или позже выказать все свои последствия, т. е. уменьшенную плодовитость и физическое вырождение, которое кончается вымиранием племени. Но даже не доводя процесса до этого последнего результата, уже средние термины его, малоплодность и ослабление организма, Дают громадный перевес враж-

дебным племенам. Таким образом, под влиянием органического прогресса получила повсеместное преобладание полигамия умычкой с вытекающим отсюда порабощением женщин. В своем первобытном грубом виде форма эта господствует еще и ныне у австралийцев, некоторых полинезийцев и негров; остатки и следы этой формы можно проследить почти у всех племен земного шара, так как потомки полиандричных племен составляют ничтожное меньшинство. У арийцев, предков нынешних европейцев, форма эта существовала, по-видимому, как общее правило; многие из славянских этнографов не желают допустить этого относительно славян, толкуя различным образом известные места у Нестора. Другие, которые даже допускают, что умычка была похищением, вероятно, возмущались бы, если бы ее поставили наряду с безобразными и варварскими обычаями каких-нибудь папуасов или негров. А между тем все заставляет думать, что у наших предков господствовала именно эта грубая форма похищения. Я не буду говорить о неизбежной преемственности форм брака, и что самое признание похищения, хотя бы без грубого насилия, ведет за собою неизбежное заключение, что ему предшествовали более варварские обычаи, когда племена были более отчуждены; что существование смягченной формы доказывает, что славяне выбрали не полиандрию, а брак уводом и что потому во время их перехода к этой форме они должны были пройти ту степень развития, которая неизбежно лежит между исходною и конечною. Наконец, мне кажется, анализ самого текста Несторовой летописи показывает правильность этих заключений.

Описывая брачные обычаи у славян, Нестор следующим образом характеризует их у различных племен. Про древлян он говорит: "Браци у них не бываху, а оумыкивахоу себе девиц оуводы; имеху же по две и по три жены". Про северян, радимичей и вятичей он выражается иначе: "Браци у них не бываху", разумея, конечно, правильный, по его понятию, брак, а были, продолжает он, между сел игрища и плескованья, и на них-то они "оумыкивахоу себе жен, с нею же кто свещашеся". У полян обычаи описываются еще иначе, но для нас они не важны; остановимся на тексте "оумыкивахоу себе девиц оуводы" и уясним себе его филологически. Принято слово *оумыкивахоу* переводить "похищали", но я не знаю, есть ли филологическое объяснение этого слова, а между тем мне кажется, что это объяснение пролило бы особенный свет на предыдущую историю брака у славян. В самом деле, "оумыкивати" есть термин, применяемый исключительно к похищению жен, а если так, то не должен ли он по своему корню означать либо форму, либо обстоятельства похищения, либо вообще что-нибудь относящееся к браку? Постараемся же отыскать значение корня *оумыкивати*; отбросив суффиксы – "ива" и "ти" и префикс "оу", получим корень "мык". В русском языке мы находим этот корень в словах: *мыкать* (жизнью, горе), *горемыка*, *помыкать*, *прес(д)мыкаться* и др. Безотрадное значение корня очевидно. Принимая во внимание, с одной стороны, это значение, а с другой – чередование в древнеславянском языке звуками носовых?и? (камы,?н?), мы легко перейдем к другой группе слов того же корня *мука* (корень м?к), мучить, примучивать и т. д. Если, что весьма вероятно, и древнерусское "оумыкивати" того же корня, то по-русски оно переведется *умучивать*. – Между тем мы знаем, что там, где существует форма брака похищением, там подобное выражение получило бы вполне действительный, хотя и печальный смысл. Австралийцы похищают своих жен грубым насилием, действительно *умучивают*. Вот несколько примеров: "В Сиднее, – говорит Леббок³⁸, – несчастных женщин стараются украсть в отсутствие их покровителей. Их сперва оглушают ударами по голове, по спине и плечам, затем окровавленных тащат в лес за руку с такою силою и быстротою, что надо удивляться, как им не вывихнут руки. Похититель не обращает внимания на попадающиеся пни или камни, заботясь исключительно о том, чтобы дотащить приз до места стоянки"; или: "На Бали, одном из о-вов между Явою и Новою Гвинеею – тоже распространен обычай похищать девушек грубым насилием,

³⁸ Дж. Леббок. Начало цивилизации и первобытное состояние человека, рус. перев., гл. III, 63–64.

волоча за волосы и не шадя пинков, чтобы заставить идти за собою скорее в чашу"³⁹. Я думаю тот, кто назвал бы этого рода похищение *умучиваньем*, *оумыкиваньем*, был бы прав. Конечно, нельзя утверждать, что умыкивание девиц у древлян происходило именно в такой форме; будь это так, Нестор, конечно, не преминул бы сообщить это; но слово оставалось в то время памятником более отдаленной эпохи, когда оно было впервые изобретено для господствовавшего в то время способа похищения; оно соответствовало этому более древнему способу, но по привычке применялось и к более мягким позднейшим формам, даже к похищению по добровольному согласию, как у северян, вятичей и др. Однако у древлян форма умычки все же осталась насильственной, хотя, быть может, не столь грубою, как у современных сиднейцев или балийцев. На это указывает тот же текст Нестора. 1) Весьма важно выяснить себе значение выражения "*оуводы*". Сколько мне известно, это слово читали *оу воды*, но в таком случае это решительно *nonsens*; зачем у воды? С какой стати замешалась тут вода?⁴⁰ Если же читать слитно *оуводы*, то смысл ясен – это творительный падеж множественного числа мужеского рода от существительного *увод*; *оумыкиваху оуводы* значит *похищали уводами*, т. е. силою, насильем, уводом. Стоит обратить внимание на то, что, говоря про северян и вятичей, Нестор заменяет выражение "*оуводы*" выражением "*с нею же кто свещаеся*", как бы противопоставляя их одно другому. И тут, и там похищение, но у древлян *уводом*, а у северян "*с которою кто уговорится*". 2) Косвенным подтверждением насильственного увода у древлян являются слова Нестора "*имеху же по две и по три жены*"; мы знаем, что насильственное похищение и полигамия идут всегда рука об руку.

Однако нам пора вернуться к предмету нашего рассуждения. Мы остановились на том моменте, когда полигамия умычкой под влиянием органических деятелей вытеснила племена с коммунальною или полиандрическою формою брака.

При этой первобытной полигамии, как мы видели, представляется широкое поле для действия полового подбора, которому подвергаются мужчины по отношению к силе, хитрости, энергии, ловкости, способности трудиться и т. п., – качествам, необходимым для умычки, сохранения и прокормления жен. Первобытная форма полигамии умычкой должна была существовать долгое время, постепенно изменяясь под влиянием большего общения между людьми и давления религии, пока, наконец, мелкие племена не слились или не разрослись в народы, народы не сложились в государства и пока, таким образом, не появилась впервые власть принудительная, кроме обычая и личной силы, *власть государственная*.

³⁹ Ibidem., 64.

⁴⁰ Наши мифологи строили, впрочем, на основании этого места самые разнообразные теории о значении воды как символа и пр., и пр. Мне приятно оговориться, что покойный славист, проф. В.И. Григорович, одобрил мое толкование выражения *оуводы*, хотя и не согласился с выводами, сделанными мною из этого толкования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.